

ВЕРА ТРОИЦКАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

От редакции

Ниже мы помещаем мемуары известной певицы Веры Троицкой (Руденко), которая любезно согласилась поделиться с нами воспоминаниями о своей жизни и музыкальной карьере. Удивительным стечением обстоятельств она была окружена миром музыки с самого детства. Она упоминает много русских и иностранных деятелей с которыми или она сама, или её родители, соприкасались как в Харбине, так в Австралии и в Европе.



Когда я согласилась написать эту статью я не думала, что она окажется такой обширной. Я хочу подчеркнуть, что здесь включены только личные воспоминания, которые произвели на меня впечатление и остались в памяти по сей день. Детская память, в особенности, могла допустить ошибки, или исказить факты и я уже заранее прошу снисхождения, если что-то окажется не совсем точным.

Выражаю сердечную благодарность всем, кто помог мне чем-либо довести этот труд до конца, в особенности: моему мужу Д.А. Руденко, Л.А.Ястребовой и редакции журнала „Австралиада“.

В. Троицкая.

Vera Troitsky

REMINISCENCES

Copyright © by the author.

National Library of Australia catalogue-in-publication data

Index

ISBN 0 646 23877 9

Вера Троицкая

ВОСПОМИНАНИЯ

Все права сохраняются за автором

ВОСПОМИНАНИЯ.

Родилась я в Китае, после 2-й мировой войны, в самом главном городе Маньчжурии, - Харбине. Жили мы на Пристани, в ограде Иверской церкви, в большом доме-общежитии. В этом доме были квартиры и протоиерея Ильи Пыжова, который меня крестил; и регента церковного хора, духовного композитора, Петра Филипповича Распопова, у которого мой отец, Михаил Николаевич Троицкий пел солистом. Тут же жил и горный инженер, специалист по платине, и ученик самого Менделеева, Павел Васильевич Писаревский со своей добрейшей супругой, Дарьей Кондратьевной. Помню вкусный запах медовой коврижки в их приятной квартире, а также - горшочки с цветами на солнечном подоконнике.

Ещё дальше жил известный в Харбине церковный деятель, Евгений Николаевич Сумароков, служивший юрисконсультантом в Епархиальном Совете. Он пытался научить меня, ещё двухлетнюю, хоть немного разговаривать по-английски и по-немецки. Каждый раз, когда я шла мимо его крылечка, он мне бывало говорил: „ Гуд ивнинг, Верочка," или: - Гуд морнинг, Верунчик-говорунчикГ и т.д. Мне же приходилось отвечать: * Гуд ивнинг," или „Гутен абенд“, или „Гуте нахт,“ или „Вери гуд , в зависимости от вопроса. К величайшему нашему прискорбию, его арестовали коммунисты и увезли в СССР.



Ещё жила там семья Устьянцева, бывшего владельца концессий и конских заводов в Цзямусы. Его также послали в советские лагеря, а земли отобрали китайцы. Неудивительно, что жена его, Галина Сергеевна и сын его, Никита, жили в очень материально стеснённых условиях. Галина Сергеевна, урождённая Брадучан, была дочерью о. Сергия, одного из основателей и первого настоятеля Иверской Церкви. Помню по утрам удивительный аромат свежесваренного кофе, наполнявший всю их квартиру. Это были остатки прежней роскоши.... Как и мы, они тоже собирались в конце 50-х годов в Австралию. Как вдруг, форменным образом, перед самым их отъездом, сначала пришли сведения о том, что Устьянцев, оказывается, всё ещё жив! Затем и он сам явился в Харбин, но, увы! - дряхлым

инвалидом! Стали хлопотать о его выезде за границу, но к великому горю, он скончался, когда его семья приехала в Гонконг. В этом же дворе жили о. Валентин Кармилов с семьёй, и священник, о. Александр Кочергин с семьёй. Они уехали в Америку. Его внучка преподавала в Начальной Школе на Новоторговой улице, в Новом Городе, и была моей первой учительницей. Потом Кармиловы уехали в Австралию, и о. Валентин до сих пор служит дьяконом в Ферфильдском храме, в Сиднее. Недавно он справлял свой золотой юбилей. У них, как я помню, я впервые разговаривала по телефону. Перед фасадом дома, в котором мы жили, была вязовая роща, где мы, детишки, играли. К церкви вела широкая аллея. Напротив церкви, с правой её стороны, был расположен архиерейский дом, где проживал со своей семьёй сам Владыка Димитрий Вознесенский, отец Владыки Филарета. В Иверской служил Владыка Нестор Анисимов (1884-1961), до того, как



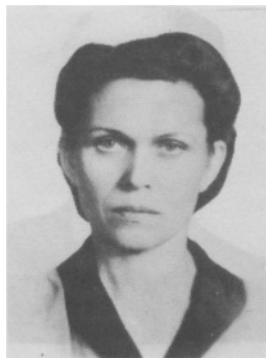
он стал правящим, пока его тоже не увезли в СССР.

При них отец мой, М.Н. Троицкий, пел в хоре солистом. Тут же прислуживали и мальчишки-исполатчики, - те, которые пели трио: „Исполла эти деспота* архиереям. Среди них пел Вадим Лаптев до отъезда их семьи в Тяньцзин. Папа вместе с отцом Вадима, тоже Михаилом, пели как в церковном, так и в казачьем хорах. У нас до сих пор хранится пластинка Казачьего Хора с солистами: Л. Ершовым, („Ревела буря"), и М. Троицким, („Кубань, ты наша родина"). Когда у Лаптевых родился первый сын, Евгений, мой отец нянчился с ним.

С самого раннего детства меня окружала музыка. Помню, как моя мама, София Семёновна Троицкая, пела мне колыбельные, укачивая меня; не просто колыбельные, а чудные произведения Лядова, Чайковского. Впоследствии я их пела своим детям, а также и на концертах. Помню музыкальные игры и песни моей няньки, как: «Барыня», „Во поле берёза". Помню громогласные возгласы протодьякона Овчинкина. Помню колокольный звон и первого звонаря, китайца Ваню. Хотя уже давно кончилась война, но я помню, как бывало проводились ночные затемнения: спускались шторы из чёрной бумаги, тушились лампы, и зажигались свечи. Это были годы борьбы между Мао-цзе-Дуном, главой китайских коммунистов, и Го-Минданом, возглавляемого Джан Кай-Ши. Помню, однажды, без предупреждения завывали сирены и было выключено электричество. Мы сидели с мамой одни при лучине, т.к. не оказалось свечек. Знаю, что это была лучина, потому что я такую вещь ещё никогда не видывала и очень ей заинтересовалась. На мои вопросы мама объяснила мне, что это лучина, сделанная из щепочки дерева, и потом спела мне народную песню „ Лучинушка".

Мы жили в нижнем этаже дома. Окна нашей квартиры выходили во двор с боковой его стороны. Напротив, возле бывшей Серафимовской Столовой, стоял отдельный флигель. Из окон этого флигеля часто доносилось странное пение: не просто пение, а какие-то рулады на „а-а-а". Это были упражнения, которые старательно выводили ученицы и ученики известного оперного тенора, Шеманского. Меня заинтересовали эти звуки и я хотела знать, кто это поёт. Мама мне ответила, что это ученицы. Я же не смогла ещё выговорить этого слова и повторила „синицы". Когда уже здесь, в Австралии, я начала по-настоящему учиться петь у хорошего преподавателя по постановке голоса, то вокальные упражнения показались мне знакомыми друзьями. Мне сразу-же вспомнился Шеманский, его голос, поправляющий ученицу, и тот флигель, из окон которого слышались эти звуки.

Родители оба были очень музыкальные и с детства пели в церкви. Отец родился в семье дьякона Николая Троицкого в городе Омске. Позже о. Николай принял сан священника и был назначен настоятелем в село Архангельское Петропавловского Уезда. Дед его, тоже Михаил, был настоятелем собора во Владимире. Все трое обладали звучными басами. Знаю, что от голоса моего деда трескались бокалы, если он брал ноту в тон звона бокала. Отца моего подростком отослали в Духовную Семинарию в Тобольск, которую он не закончил из-за гражданской войны. Вместе со своим отцом и старшим братом, Константином, они прошли весь Сибирский Поход с Белой Армией через Читу и Хабаровск, до Китая. Зимой перешли озеро Байкал. Во время военных действий они несколько раз теряли связь друг с другом. Перенесли ранения и тиф. Дед решил остаться на родине в Приморье, где вскоре



потерялся его след. Папа перешёл границу Китая с частями Белой Армии и уехал в Харбин. Тут, найдя работу, он стал продолжать свои занятия музыкой: вступил в казачий и церковный хоры, брал уроки пения, гармонии, теории. Он научился немного играть на фисгармонии и «тренькать» на балалайке. Его интересовала композиция, которая впоследствии вылилась в его духовных сочинениях. Мама - тоже очень музыкальна. У неё прекрасный слух, и она хорошо читает ноты, хотя ни на каком инструменте никогда не училась играть. Она закончила Харбинский Педагогический Институт, работала учительницей в школе, а затем - лектором в Институте Иностранных Языков. Кроме церковного

хора она пела и в оперном. Мама пела в Свято-Николаевском Соборе, где управлял опытный регент Димитрий Яковлевич Попов. Нужно заметить, что в Харбине было много красивых храмов - по храму в каждом пригороде и конечно, в самом центре - кафедральный собор. Было много талантливых певцов и превосходных регентов. В самых больших церквях певцы были на жалованье. Я часто бывала в церкви и, конечно, чаще всего -на хорах,с одним или с другим из родителей. В Иверской я помню Архимандрита Филарета, будущего первоиерарха Зарубежной Церкви. Отец мой и он, оба родились в 1903-м году, а также и скончались оба в 1985-м году. Родители хорошо знали их семью, его отца, Владыку Димитрия Вознесенского. Я помню, Архимандрит Филарет иногда служил на ранней литургии в Иверской, и уже тогда говорил интересные проповеди, и хоть я ещё ничего не понимала из его речей, но голос его звучал очень убедительно. Мне посчастливилось унаследовать музыкальность моих родителей. Любая мелодия мне легко запоминалась. Помню, как-то раз, мама привела соседку, Татьяну Фёдоровну Худякову, подивиться на меня: я выучила совершенно верно песенку про птичку и всё время её распевала. После, уже будучи взрослой, я спросила мать: „Сколько же мне было тогда лет, и почему все удивлялись?“ Мама ответила, что мне тогда ещё не было двух лет, а было примерно 20 месяцев!

Культура в Харбине была на высоком уровне. Был и драматический театр, и симфония, и балет, и оперетта, и опера, в которой мои родители оба пели. Были хорошие музыкальные и певческие силы. Пели такие солисты, как: Силинская, Ачаир- Добротворская (она всё ещё преподаёт на Голд Косте), Хохрякова (она пела до своей смерти в бризбенском соборе),Шеманский, Саяпин, Ершов, Троицкий, Борисевич и др. Кроме своих харбинских певцов приезжали на гастроли, на сезон или два, советские солисты, как: Лемешев (Ленский), Зелинская (Кармен).... И так, общими силами ставились оперы: „Евгений Онегин“, „Царская Невеста“, „Хованщина“, „Кармен“, „Борис Годунов“, „Фауст“... Афиша 1945-го года гласит:-

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ КУЛЬТУРЫ КВЖД

ПРЕМЬЕРА:

„ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“

Дирижёр _____ Пулкрабек Ф.Б.
Режиссёр-постановщик _____ Маков Ю.
Концертмейстеры _____ Жигалова Н. Борисевич М.Н.
_____ Маркевич Ф. Е.
Балетмейстер _____ Колотнев Л.Е.
Хормейстер _____ Распопов П.Ф.
Помощник режиссёра _____ Ланин П. Э.

В главных ролях:

Онегин _____ Борисевич
Ленский _____ Масюков
Кн. Гремин _____ Толохов
Татьяна _____ Ардатова
Ольга _____ Теплякова
Ларина _____ Черёмушкина
Няня _____ Швайковская
Трике _____ Матафонов
Гилье _____ Обухов
Зарецкий _____ Воробьёв

Помню, мама месит и раскатывает тесто на кухонном столе и поёт что-то про белого лебедя и белую лебёдушку. Оказалось - это был знаменитый хор из „Хованщины“ Мусоргского. Ещё помню, мне было около пяти лет, когда ставили „Кармен“.

МОДЕРН

3-го апреля 1935 года.

ПРОГРАММА КОНЦЕРТА



Елизаветы Евгеньевны Силинской

Ниже помещаю программу концерта Елизаветы Евгеньевны Силинской, который был 3-его апреля 1935 года в помещении Модерна, на Пристані в Харбине.

I-ое отделение.

- | | |
|---|--------------------------------------|
| 1. а) Море — муз. Бородина | } исполнит
Е. Е. Силинская |
| б) Элегия — муз. Корганова | |
| в) Ария Лиу из оп. „Турандот“
муз. Пуччини | |
| г) Танец — муз. Василенко | |
| 2. а) Ария Ленского из оп. „Евгений
Онегин“ муз. П. И. Чайковского | } исполнит
Е. А. Муцес |
| б) Каватина Фауста муз. Гуно | |
| 3. а) Из песен песней — муз. Василенко | } исполнит
Е. Е. Силинская |
| б) Свечка догорела — „ Н. Черепнина | |
| в) Не любишь больше ты
муз. П. Тости | |
| г) <i>Santo solo per te</i> муз. Дан Каслар | |

Начало в 9 часов вечера.

II-ое отделение.

- | | |
|--|---|
| 4. а) Ария Марфы—„Иван Сергееч, хочешь
в сад пойдем“ из оп. „Царская
Невеста“
муз. Римского-Корсакова | } исполнит
Е. Е. Силинская |
| б) <i>Rondine al Nido</i> муз. Де Крешенцо | |
| в) Осеннее „ Н. Черепнина | |
| г) <i>Marechiaro</i> „ П. Тости | |
| 5. а) <i>Bellade</i> — муз. Zabel | } исполнит на арфе
С. А. Корчинская |
| б) Золота арфа — муз. Codefrald | |
| 6. а) Песнь любви — муз. Василенко | } исполнит
Е. Е. Силинская |
| б) Любит не любит „ Маскьяни | |
| в) <i>Quando</i> „ Дан Каслар | |
| г) <i>Marie, Mari</i> „ Е. Ди Капуа | |

У руля свободный художник Л. Б. Аптекорева.



Родители часто уходили на репетиции и спектакли, оставляя меня с нянькой, за что я на них была в „претензии“. Тогда папа объяснил мне в чём тут дело, куда они уходят, и о чём эта опера. Он стал напевать мне некоторые главные мотивы, как песнь Тореадора. Вскоре, бегая по двору, я уже распевала „Хабанеру“:

„Любовь свободно век кочует,
Законов всех она сильней.
Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!“

Причём, пропевала я в должном порядке все партии: и хора, и Кармен, и Дон Хозе, и даже подыгрывала себе на нашей маленькой, старой фисгармонии, у которой нужно было усиленно раскачивать педали, чтобы выжать хоть какой-либо звук...

В 30-х годах приезжали в Харбин хор Кострюкова и сам великий Шаляпин из Парижа. Его старые пластинки бережно хранятся у нас. На них такие прекрасные вещи, как „Блоха“ и „Персидская песнь“. Имеется и хор Жарова с чудесными народными песнями, как: „Во Кузнице“, „Лапти“,

и с такими церковными шедеврами, как: „Тебе Поем“ Кастальского. Приезжала в Харбин на гастроли и итальянская оперная труппа с великим баритоном, Реали. Они ставили „Риголетто“ „Аиду“, и „Трубадура Верди на итальянском, и пополняли свой хор за счёт местных певцов, в числе которых был и мой отец. Должна рассказать одну курьёзную вещь. Отец как-то обмолвился, что эти итальянцы предлагали ему заключить контракт с их труппой, и что он в последнюю минуту отказался его подписать. Я, помню, ужасно на него рассердилась, и долго не могла простить ему тот факт, что из-за него я родилась не в Италии. Я, помню, с досадой сказала ему, что могла бы стать всемирной известностью, и может быть, даже оперной дивой, если бы он подписал контракт, и что виной всему - его упрямство! Было же мне тогда всего лет десять...

Приезжал в Харбин на гастроли Вертинский. Продавались его пластинки, печатались его ноты и ноты разных других композиторов в нотном издательстве „Кантилена“. У меня до сих пор сохранилось несколько этих красивых изданий, как например: „Фюр Элиз“ (В Альбом) Бетховена, для рояля. Продавались пластинки знаменитостей из СССР, из Европы и Америки. В кинотеатрах шли американские и европейские фильмы. В магазинах продавались французские духи, в витринах висели парижские моды...

Во время великого поста ставились духовные концерты общими силами города. На этих концертах исполнялись^ такие серьёзные произведения, как оратория Гайдна, „Семь слов Спасителя на кресте“ или „9-я Симфония“ (хоровая) - Бетховена. Оркестром дирижировал Швайковский.

Действовала также и оперетта, ставились „Жрица Огня“, „Сильва“, „Ночь Любви“, „Весёлая Вдова“. Знаю, что отец мой пел в оперетте, а мать участвовала в симфониях. Кроме этого, папа пел по радио и на всевозможных концертах. Как-то раз он должен был петь по радио „Баркароллу“ на слова К.Р. (Великого Князя Константина Константиновича Романова).

Для более полного эффекта со станции распорядились делать запись на реке, со всплесками воды. И вот папе пришлось петь на Сунгари, сидя с гитаристом и с ходькой-гребцом в лодке у берега, а звуко-оператору со своими инструментами, записывать с берега!

Были в Харбине и первоклассные музыкальные школы, и прекрасные учителя. Высшая Музыкальная Школа среди своих преподавателей по классу рояля имела такие известные имена, как: профессор Ф. Е. Оксаковский, В. В. Белоусова, Л.И. Чаплик, О. В. Белоножкина. У Ольги Владимировны Белоножкиной занималась я, а также Вика Климик (Стаценко). В.Д. Трахтенберг вёл класс скрипки. Одним из его молодых учеников был, теперь всемирно-знаменитый, Исаак Штерн. Когда начался фашистский террор в Берлине, семья Штерна эмигрировала в Харбин, где он провёл свои ранние годы, и только 17-тилетним вернулся в Европу. В 80-х годах Исаак Штерн ездил в Китай с малым ансамблем из Берлина, давал лекции, показательные уроки, концерты. Он специально приезжал в Харбин посетить свой прежний дом и другие знакомые места. На аэродроме его встречали китайцы-друзья, бывшие коллеги. Его ансамбль играл вальсы Штрауса в беседке на берегу Сунгари, где сейчас устроен парк. Всё это было заснято на фильме - ОТ МОЦАРТА ДО МАО и этот фильм показывался здесь по телевидению.

Другим учеником Трахтенберга был Борис Теппер, сейчас скрипач в Сиднейском Симфоническом Оркестре и преподаватель. Мой соученик по Музыкальной Школе, Виктор Сергей, который много лет руководил струнным ансамблем „Балалайка" в Сиднее, сначала занимался в Харбине у Г. М. Сидорова, затем у Новикова, а в Австралии у Трахтенберга, в Сиднейской Консерватории, где тот преподавал игру на скрипке, до своей смерти в 1963-м году. Нужно заметить, что начало народного струнного ансамбля, „Балалайка" положил Владимир Савицкий (Канберра). Сейчас растёт новая смена балалаечников при Кабраматте, где сформировался ученический ансамбль под руководством В. Сергей. Один из выдающихся церковных регентов и композиторов, Ипполит Петрович Райский, преподавал гармонию, композицию и теорию музыки. Отец мой учился у него. Жена Райского, Дорофея Борисовна, тоже хорошо музыкально-образованный человек и пианистка, вела уроки пения в нашей начальной школе. Помню, когда нас, первоклассников, в первый раз привели на прослушивание наверх в зал, на сцене за пианино сидела солидная, пожилая дама, которая заставила нас петь какую-то песенку. Сама же она, пока мы пели, ходила по рядам, наклоняясь к каждому ухом. Потом спросила нашу классную наставницу про меня: «А кто эта девочка?» Когда та ей ответила, что это Вера Троицкая, она только сказала: „Ну, понятно". Мне же тогда это было совсем не понятно, и стало понятно только гораздо позже. Это была Дорофея Борисовна.

С детства помню нашу скрипучую, протяжную, как маленький орган, фисгармонию. Клавиатура у неё была как у пианино, но - всего только на 4 октавы. Внизу были 2 большие педали, которые нужно было качать, чтобы шёл звук. Играть быстро или отрывисто на фисгармонии было невозможно, потому что тогда звук вообще не получался. Также помню мамину старую вилтролу, с рисунком маленькой собачки на крышке. Её тоже нужно было заводить, подкручивая за ручку перед каждым проигрывшем пластинки, и каждый раз менять стальную иголку. Я любила слушать пластинки, у нас был их хороший подбор. Тут были записи Шаляпина (Мусоргского: „Блоха", „Песни и пляски смерти", „Борис Годунов") и Лемешева, и было удивительное коллоратурное сопрано - Марта Эггерт, и её муж, прекрасный тенор - Ян Кипура. Вот ещё удивительное совпадение! Когда я приехала в Вену продолжать учиться петь, в первый же вечер я пошла в оперу. Шла „Аида" Верди. В главной роли Радамеса пел - Ян Кипура, их сын, и ту же самую арию, „Божественная Аида", что и его отец - на нашей пластинке! У нас также были пластинки с оркестровой и инструментальной музыкой. Там были такие вещи, как Медитация Тайс для скрипки (муз. Массне), и увертюры, как например, „Севильский Цирюльник", и фортепьянные концерты Моцарта, и много

другого. Некоторые вещи, как концерты, были записаны на нескольких пластинках, и бывало досадно, что нужно останавливаться, переворачивать их, и заново заводить.

В семь лет я начала учиться играть на рояле. Первым моим учителем был Константин Жук, прекрасный пианист и аккомпаниатор. Он проживал в Мельбурне, когда прибыл в Австралию. Одно время он занимал там хорошее положение в Эй-Би-Си. В Харбине мы с ним занимались у нас на дому. После года, меня решили отправить на прослушивание в музыкальную школу. Как сейчас помню, в кабинете были трое: Елена Николаевна Недельская, В.Б. Белоусова и ещё кто-то. Они стучали карандашом по столу ритмы, пели ноты и фразы, а я повторяла. Экзамен долго не длился и меня сразу же приняли в школу. Кроме своего инструмента ученики обязаны были проходить теорию со своим педагогом, сольфеджио и хоровое пение - с Распоповым, а ритмику - с Недельской. Ритмика была очень интересной. В форме танца и движений мы заучивали все итальянские термины и скорости. До сих пор я почти не нуждаюсь в метрономе и автоматически знаю, как быстро должно идти, например, аллегretto, в том или ином ритме: 6/8, 2/4, C, и т.д. Елена Николаевна была очаровательная дама, музыкально хорошо образованная, и её уроки с нами шли, как приятное развлечение.

В музыкальной школе нас заставляли читать с листа ноты, меняться учителями для проверки, выступать регулярно на отчётниках и т.д. Раз в год, в июне, по окончании учебного года, в Коммерческом Собрании давался большой концерт, где принимали участие ученики 5-го класса и выше. Мы же, „пигмеи“, сидели в зале и слушали, - набирались вдохновения! Помню один такой чудный концерт, где на диплом играл племянник Л.И. Чаплик (уехавшей потом в СССР), сначала соло, а потом - со своей тётушкой на 2-х роялях! Помню своё восхищение от выступления Маргилевской. Когда Музыкальная школа закрылась в 1956-м году, я продолжала заниматься у Ольги Владимировны. Потом, когда моя учительница О.В. Белоножкина уехала в Австралию, я была рада попасть к А. Маргилевской, чтобы продолжать свои занятия на рояле.

Ещё в 30-х годах русские стали понемногу уезжать из Харбина, кто в Шанхай, кто в Пекин, кто - за границу. Так, в Америку уехал один из талантливейших церковных регентов, Валериан Степанович Лукша, друг и помощник Архангельского, великого русского церковного композитора. Лукша окончил Петербургскую Музыкальную Школу, и конечно, он бесподобно знал и исполнял вещи Архангельского. Так, как он их исполнял, и как научившиеся от него регенты, исполняли произведения Архангельского, я ещё никогда и нигде не слышала.

Во время войны выезды из Харбина, как вообще из всего Китая, прекратились. Но в 50-х годах люди стали выезжать - кто в Америку, кто в Австралию, кто на целину - в СССР. Когда в Бразилию уехал соборный регент Димитрий Яковлевич Попов, папу пригласили занять его пост в Св. Николаевском Соборе. В то время в хоре всё ещё оставалось много хороших певцов. Всех, конечно, я не помню, но вот несколько:

Сопрано - В.И. Омеляненко, С.С. Троицкая, А.Ф. Кузьминская, В.Трошина, Опарина, Т. Сидорова, Е.А. Семовских.

Альты - Сумневич-Саяпина, М.Е. Тополь, М.Н. Ташкина, М.И. Платонова, Г.А. Писарева, А.М. Пляскина.

Басы - октава - Рыков (Бразилия), А. Павлов (будущий дьякон в Сиднее), А.Петропавловский, Я.И. Егоров, Г.П. Стрелков, П. Святенко, А.Л. Апанаскевич.

Тенора - А.И. Кручинин, И.В. Иевлев, Г.М. Евсеев, И.И. Семовских, Крац и Байгильдин, (только начинавший тогда).

Из Иверской ограды мы переехали в соборную. Тут квартира наша находилась на втором этаже, как раз напротив квартш>ы Владыки Никандра (Викторова). Нужно было вести себя прилично, хотя Владыка был чрезвычайно тихий и добрый человек, и с нами, детьми, обращался спокойно и ласково. Мы, ребята, его обожали, и ужасно переживали разлуку с ним когда он вынужден был уехать на «родину» в 1956-м году.

Фасадом наш дом выходил на Старо-Харбинское Шоссе. Из нашей спальни был балкон с видом на это шоссе. Недавно кто-то из знакомых ездил в Китай и привёз снимки харбин-

ского соборного дома. Я без труда смогла отыскать нашу прежнюю квартиру. Из всех она единственная имела балкон! Этажом ниже жил протодьякон, о. Семён Коростелёв с семьёй (они уехали вместе с владыкой в СССР), а рядом с канцелярией, которая находилась под нами, - псаломщик, Яков Иванович Гроссу (уехавший в США). Помню хоровые спевки в этой канцелярии. Помню, как однажды перед страстной неделей на очередную спевку явились полностью все партии, а все сопрано (хозяйки), кроме меня, опоздали. Папа, услышав ворчание басов, рассердился и начал спевку, не дожидаясь их. Вещь была „Да молчит всякая плоть," которая поётся только в страстную субботу, вместо Херувимской. Она была мне незнакома, но я пропела все 3 куплета правильно до места, которое равняется как-бы «Яко да царя» в Херувимской. Тогда постепенно начали прибывать остальные сопрано – завозившиеся хозяйки. После этого я почувствовала себя вправе просить прибавку...

В том же доме жили: священник о. Иоанн Шачнев с семьёй (США), иеромонах о. Пётр Мыльников, дьякон Марков с семьёй (СССР), священник Подерин (США), дьякон Гуляев с семьёй (США), о.Валентин Барышников и истопник. На другой стороне двора были расположены флигели, где помещались: звонарь, просвирня, сторож и семья Семовских. Их сын, о. Пётр, теперь настоятель Серафимовской церкви в Бризбене.

До регентования в соборе, папа работал бухгалтером у Чурина, но так как обе должности было невозможно совместить, папа ушёл с работы у Чурина. Чурин был универсальный магазин в Новом Городе, на Пристани и в Модягоу. Папа служил в Новом Городе. Когда опера в Харбине заглохла, музыкальная струя вылилась в разные кружки самодеятельности. При Чурине тоже сформировался такой кружок, которым руководить попросили папу. Среди солистов чуринского хора я помню Веру Ивановну Омельяненко, баритона Борисевича... Репертуар всегда нуждался в обновлении и чуринцы пускались на разные хитрости. Т.к. новые ноты было трудно достать, а новые песни часто выходили в фильмах, папе приходилось записывать ноты по прослушиванию: его отпускали из конторы в чуринское кино. Там, оператор прокручивал раза два нужное место в фильме, папа записывал ноты и к вечеру у хора была уже новая вещь!

Хорошие певческие силы имело и грузинское общество, которое тоже пригласило папу работать с их хором. Я иногда присутствовала на их спевках и выступлениях. Ещё пятилетней, я уже умела танцевать лезгинку, и распевала „Под Луной Золотой", и „Лучше Не-е-ету Того Цве-е-ету". Знаю, что кто-то ставил и „Кобзю", и „Бандуру", и „Запорожца За Дунаем". В постановке „Запорожца" папа пел главную роль, Карася.

Вскоре после нашего переезда в собор я стала петь на хорах. С замиранием сердца вспоминаю наш красавец Собор с голубой крышей и с куполами устремлёнными ввысь. Помню чудную, ажурную Иверскую Часовню при Соборе, с золотыми звёздами на синем куполе. Теперь там ничего не осталось, - ни Собора, ни часовни, - одна глупая громоздкая цветочная клумба! В общем - мерзость. Православные богослужения идут только в Покровском храме на Старом Кладбище, на Большом Проспекте. Надпись гласит, что это Харбинская Китайская Православная Церковь!

Помню роскошный сад вокруг Собора, который утопал в зелени лип, берёз, осин, тополей и в огромных кустах пышной, пахучей сирени. Помню красивую, витую, железную ограду кругом, и высокие клумбы перед главным входом, и приятную, мягкую травку, на которой мы, ребята любили валяться. Помню, как во время летних каникул мы, соборные ребятки, учились звонить у нашего звонаря. На колокольне стоял оглушающий гул. Первым начинал бухать огромный 500-пудовый колокол, к которому была привязана верёвка с доской. Её нужно было раскачивать ногой. Качнёшь раза два или три, и только тогда выкатится из этой громадины низкий, зычный рык. От этого звука всегда взлетала в голубое небо, над голубыми куполами, стая встревоженных голубей. Покружив несколько раз, голуби снова расправлялись на карнизах. Затем, к большому колоколу присоединялись, в два раза быстрее, два средних колокола, а потом уже, и ещё в два раза быстрее, четыре маленькие колокола,

связанные вместе верёвкой. Всё вертелось, гудело, пело и радостно кричало: „Тилим-бом, Тилим-бом, Тилим-Тилим- Тилим-Бом!“ Приятно гудели и зудились от вибрации ноги, руки, и всё тело. И как обидно теперь знать, что Собор наш уничтожен, и что вообще, всё то хорошее, что было создано в Харбине русскими, разрушено! Даже старые, китайские наименования районов изменены, такие как: Ченхэ, Фудзядянь, Модягоу. Недавно были там наши друзья Суворовы и привезли горькие вести о судьбе наших храмов. Алексеевская церковь в Модягоу разделена на два этажа: в нижнем - какой-то склад, а в верхнем идут католические мессы. Успенский храм на бывшем „Новом Кладбище“ - теперь клуб смеха, с кривыми зеркалами. Само кладбище разрушено. Там теперь парк-аттракцион, с бассейнами, статуями, столами, оранжереями. Остались только церковные домишки, да белокаменная изгородь. По правой стороне, у входа, в неё вделана бронзовая доска с надписью по-китайски, по-русски, и кажется, по-английски об истории этого парка.

Худшему надруганию подверглась наша бедная Иверская церковь. Жутко было смотреть на обезглавленный, обугленный, кирпичный остов, без ступеней, без паперти, без куполов. Оказывается, во время индустриальной революции, китайцы пользовались церковью, как домной - варили в ней железо! Нечего уже говорить о могилах бывших священнослужителей с правой стороны храма, или о киоске, который когда-то, с сестричеством, под управлением Марии Герасимовны Антипас-Метаксас так успешно торговал. Она, между прочим, преподавала класс рояля в Сиднее до своей смерти. Остались ясли, куда я ходила ребёнком. До сих пор видна мозаика Красной Шапочки и Серого Волка над входом.

Казанский Мужской Монастырь был недавно разрушен, участок стоит пустой. Дом Милосердия разрушен, Благовещенской - нет давно, Софийская церковь стоит наглухо закрыта. Но всё-же остались и память, и мужество у горсточки русских и китайцев-христиан – держаться своего. Службы продолжает вести о. Григорий. Его настоящее имя - Джу Пу, и в своё время он дорого поплатился за свою приверженность к православию. На Крещение всё ещё бывает крестный ход на Сунгари. Но ещё более удивительно то, что китайцы строят из льда, в миниатюре, наш собор во время своего новогоднего фестиваля. Причём, в середину собора проводятся разноцветные электрические лампочки, которые зажигаются по вечерам. Собор этот - феерия, стоит в Городском Саду с другими ледяными изделиями всю зиму, до апреля. Об этом даже писалось в Нэшнел Джиографик (март 1988). Феноменально!

Кирха лютеранская стоит, но закрыта; костёла нет; одна синагога используется для школы, а другая теперь - фабрика и клуб покер-машин. Мечеть застроена. Желсоб и Коммерческое собрание всё ещё стоят, а также - банки, 3-я школа, ХСМЛ и наша Музыкальная школа. Чурин стоит в Новом Городе и на Пристани, а в Модягоу - не уцелел. Пассаж больше не существует, по Стрелковой улице строят какую-то громаду. Гостиницу Нью-Харбин затмевает новая колоссальная гостиница, построенная сзади неё.

Перед нашим отъездом в Австралию папа решил провести всенощное бдение объединённым мужским хором. Это была служба Св. Антонию Печерскому, летом 1957- го года. Со всего города собрался мощный мужской хор. Тут были и певцы и регенты из всех храмов города. Собор стоял в приятной темноте, только тепло мерцали красные лампы. Служба шла монастырская, и хор пел бесподобно. Моментами бежали мурашки по коже! Этот вечер оставил неизгладимое впечатление в моей памяти...



Папу выписывали регентом в собор в Бризбене. Когда мы приехали в Австралию, жизнь наша устроилась, по крайней мере в музыкальном отношении, тем же порядком. Папа управлял в церкви, мы с мамой пели в хоре, я продолжала учиться играть на рояле, зубрить теорию. Иногда в Бризбене давались бесплатные городские концерты, то в Сити Холл, то в Ботаническом Саду. Мы любили бывать на этих концертах. Иногда играли инструменталисты, иногда пели солисты с симфоническим оркестром. Потом, когда наше финансовое положение немного наладилось, мы стали посещать гастроли заграничных знаменитостей, как например: Рита Штрайх, Зара Долуханова и др. Бывали и на спектаклях "Летучая Мышь," "Весёлая Вдова," и т.д.

Русские в Бризбене держались дружной кучкой. Среди них были талантливые люди. Я помню молодого аккордеониста Петю Борейко, уехавшего в Германию, балерину Вику Петрову, пианиста Павла Носкова. Мадам Махначёва прекрасно и задорно вела конферанс, Зоя Бук пела романсы настроения, сопровождая себя. Л.Д. Павлова обладала красивым сопрано, Станислав Кривилёв - хорошим баритоном, а гн. Трейфельдт - был прекрасным режиссёром - постановщиком. Русские обзавелись двумя клубами. Маленький Русский Клуб использовался для литературных собраний, отчётников, обедов и молодёжных парти. В Лотос Холле, который был больше, устраивались, да и сейчас устраиваются, вечера, балы, и концерты. Помню, как ставилась пьеса „Осенние скрипки" и другие вещи. Моих родителей стали регулярно приглашать на концерты. Они пели и соло, и дуэты, и у них был готов свой аккомпаниатор, - ваша покорная слуга. Сцена по-настоящему там была необорудована для постановок, и бывало трудно играть. Когда шли сцены с декорациями, из-за кулис было плохо слышно и не видно певцов, да и освещение было тоже неважное.

Я помню, так было с отрывком из "Жизни За Царя". Папа пел последнюю арию Сусанина (перед смертью) "Чуют Правду", и потом действие продолжалось, где его сын, отрок Ваня, которого пела мама, вбегает на сцену. Он подбегает к монастырской стене и стучит в ворота и кричит, „Отprite, отворите!" Стучать маме нужно было точно в то место где за декорацией люди держали стол, т.к. декорация стены была нарисована на холсте, и конечно, никакого звука не могла издать. Да и было бы странно, если бы стена монастырская вдруг сильно зашаталась от стука паренька! Мне же пришлось играть почти наощупь и почти по-памяти. Ещё помню - ставили сцену из „Князя Игоря". Арию Кончака пел папа. В речитативах с ним участвовал Логинов, который пел Князя Игоря. Было очень трудно им аккомпанировать, во время ловить их реплики, т.к. меня опять зажали с инструментом за кулисами, спиной к сцене. До сих пор я помню наизусть почти всю сцену: -

„Что, князь мой?.. Что не весел ты?
Аль сети не крепки? Аль ястребы не злы
И слёту птицу не снимают?
Возьми моих!
И сеть крепка, и ястребы надёжны,
Да соколу в неволе не живётся!*

Всё пленником себя ты, князь, считаешь,
А разве ты живёшь, как пленник, а не гость мой?..
Хочешь, - возьми коня любого, возьми любой шатёр...
Возьми булат заветный, меч дедов.
Немало вражьей крови мечом я этим пролил...
Не раз в боях кровавых ужас смерти сеял мой булат*...

Нечего уже было говорить о рояле! Такого не существовало. Просто - было измученное старое пианино, регулярно избиваемое тапёрами, так называемого „оркестра", во время танцев. Как-то шёл занимательный китайский вечер. Очень забавно декламировали крыловскую басню „Ворона и Лисица" на китайский манер, представляя, как декламентировал бы её китаец, слабо говорящий по-русски. В этой же программе выступали с частушками „Дама и Рикшач" - моя мама с И.И. Семовских. Они пели стоя с лицами в лубке, на котором была нарисована рикша с огромной, толстой особой, которую еле тащит тонюсенький китаец-рикшач. Музыка шла простая, весёлая на мотив, „ Ухарь Купец" и др. , но было трудно уловить голоса из-за боковых кулис, когда певцы быстро сыпали, что-то вроде:

«Ох же, ты вредный, ленивый какой!
Видишь, спешу, тороплюсь я домой.

Рожу противно мне видеть твою....»
«...Матама шибка торста, вези немаку»

Вскоре папу опять потянуло к светской хоровой деятельности. Он взялся за мужской, а потом и за смешанный хор. Ставились концерты, на которых аккомпанировать часто приходилось мне. На одном снимке хора, из-за фигур певцов выглядывает только один мой тугфелек. После папы, до недавнего времени смешанным хором продолжала руководить мама. Музыка наполняла всю нашу жизнь, и всячески скрашивала её. Во всяком случае, радио наше всегда было открыто на Эй-Би-Си с утра и до вечера. По радио я впервые услышала и заучила большинство знаменитых сопрановских арий. Пели такие величины, как: Рената Тебалди, Мария Каллас, Виктория де лос Анхелес...Впервые мы услышали о восходящей звезде, Джоун Саттерлэнд. Она бесподобно пела Джильду в «Риголетто*». В австралийской школе мне привелось в первый раз участвовать в музыкальной постановке. Это была оперетка, «HMS Pinafore», и меня выбрали петь главную роль. Провела я её успешно. Родители и несколько человек друзей были на представлении. Это было в 1963-м году. Вообще же тот год оказался каким-то знаменательным для меня в отношении пения.

В 1963-м году приехала в Бризбен первая австралийская балетная труппа - то есть Австралийский Балет, которому положил начало наш компатриот, - г. Борованский. Начала своё существование эта труппа в Мельбурне, где он проживал, и называлась его именем, - Балет Борованского. Со своей школой я ходила смотреть отрывки из „Спящей Красавицы" и других балетов. После балета в Бризбен приехала Австралийская Опера на зимний сезон, и с ней в первый раз - Сергей Байгильдин. Я помню Сергея по Харбину, когда он ещё 18-летним пришёл петь к нам в соборный хор. У него был хороший голос, но не было ни опыта, ни музыкального образования. Иногда, по субботам, после вечерни, они закрывались у папы в кабинете и проходили под фисгармонию некоторые сольные песнопения для тенора. Когда Сергей приехал в Бризбен с оперой, то был у нас, конечно, и пел, конечно, на хорах. Я помню, что ему удалось достать бесплатные билеты на „Фиделио Бетховена" и ещё на что-то, и мне оперы очень понравились. Я решила, что лучше оперы ничего нет на свете.

В то же самое время я случайно попала на прослушивание к учительнице пения, Т.А. Хитриной. У неё как раз оказались вакансии. Прослушав меня и узнав о нашем стеснённом положении, она предложила мне трёхлетнюю стипендию, т.е. - заниматься бесплатно. Учиться петь было осуществлением моей заветной мечты! Татьяна Александровна была прекрасной учительницей, чудным человеком, и стала близка мне, как мать. Занималась у неё я привлекательно, и с превеликим удовольствием. Она была дочерью русского генерала, девицей училась в Смольном (я уже просила её завещать мне свои старинные снимки оттуда). Во время революции её семья уехала из России в Белград, где, закончив своё образование, Т.А. поступила в оперу. Работала она также и на белградском радио. Потом Т.А. перебралась в Вену, где также устроилась в оперу, и на радио.

В семидесятых годах, когда я сама жила в Вене, где продолжала своё вокальное образование, я пела в хоре её бывшего коллеги, Андрея Гнатышина. До сих пор он управляет в украинской церкви Св. Варвары огромным, прекрасным хором, какие у нас раньше на Руси были. Мой муж навещал его там в 1989-м году: передавал от меня поклон. У Гнатышина был чудный хор. Кроме украинцев в нём пели русские и австрийцы. Несколько раз в год богослужения записывались венским радио. В особенности памятна мне служба в страстную пятницу, которая ежегодно передавалась по радио. Она была насыщена настоящим пафосом и такими песнопениями, как „ Стабат Матер," (Стала Матка Долороза), с чудесными солистами и хором. Ещё помню смешанный концерт церковной и светской музыки, который мы пели в Венской Ратуше. Между прочим, почти все церковные песнопения были знакомыми, т.к. включали такие вещи, как Царскую Херувимскую Бортнянского. Концерт этот записывался на пластинки для продажи в США и Канаде.



Мужской хор в Бризбене,
под управлением М.Н.
Троицкого. У рояля В.
Троицкая. 1962

Собрание об-ва Наука и
Искусство в Бризбене.
Слева М.Н. Троицкий,
член парламента гн.
Кресби. Сзади – С.С. и
В.М. Троицкие. 1963.



Духовный концерт
смешанного хора под
управлением М.Н.
Троицкого.
Вторая и третья слева
– В.М. и С.С. Троицкие.
Лотос холл. Бризбен.
1963

В восьмидесятих годах Татьяна Александровна ездила в Америку, навестить своих подруг по Смольному. Встреча эта всколыхнула у неё много любопытных воспоминаний, и давно забытых фактов, которые вдруг всплыли опять. Она вспоминала строгий режим своего бывшего училища. Им, барышням, воспрещалось даже разговаривать с юнкерами Кадетского Корпуса, с которыми у них состоялись совместные балы, или два раза подряд танцевать с одним и тем же партнёром! Переписка строго преследовалась, и всё же, они как-то ухитрялись её вести. И какие же были увлекательные романы на расстоянии! «Ах, молодость!» - она говорила, смеясь. Когда она приехала в Австралию после войны, то вскоре стала и тут выступать по радио, и на концертах. Она пела с симфоническим оркестром Квинсленда под управлением Рудольфа Пекарека. С ним я тоже впоследствии выступала. Как многие чехи, он был очень музыкален и умел прекрасно оркестровать партитуры т.е. - расписывать ноты на разные партии инструментов, чтобы они красиво звучали. Ещё Хитрина пела главные роли в „Sound Of Music“, „The King and I“, и др. по телевидению. Потом, когда студия её разрослась, она вместе с учениками ставила по телевидению разные программы - то русские, то итальянские, то в швейцарском стиле. Приглашались балалаечники, балерины и танцоры... Потом, когда я стала одна выступать по телевидению, всё тут уже было знакомым мне, и ничуть не страшило меня.

В 1964-м году в Бризбен опять приехала опера. С ней приехал Байгильдин и ещё одна прекрасная русская певица, Таисия Тарасовна Тарас. Она училась петь в Киеве, а потом выступала там в опере. В оперном сезоне она отлично пела невероятно трудную партию Леди Макбет в опере Верди. После окончания сезона мои родители организовали концерт с ними. Тарас, Байгильдин и папа пели арии, романсы и дуэты, я аккомпанировала, а мама вела конферанс. Вечер получился очень красивый.

В пении я делала большие скачки вперёд. Уже через два года, в 1965-м году, я пела в Бризбене на прослушивании для Метрополитэн Оперы (Нью Йорк) и получила хороший отзыв. К концу того года я начала выступать на городских концертах в Сити Холл. Мой первый ангажемент был в пятницу, 12-го ноября, 1965-го года. В той же программе участвовал Доналд Шэнкс, вскоре ставший солистом Австралийской Оперы. Во время зимнего сезона австралийской оперы в Бризбене в 1966-м году я пела для них пробу. Ко мне подошёл Доналд Смит познакомиться. Он дал мне пару бесплатных билетов на постановку „Паяцов“, в которой пел главную роль и пригласил на ужин после спектакля в семью к своему брату-мяснику. Целый вечер мы ели, пили, и пели. Он очень милый человек, и конечно, лучший тенор, которого Австралия когда-либо имела. Я слышала много разных записей арии Дон Хозе с цветком из „Кармен“, но считаю, что лучше его никто и никогда эту вещь не пел. Его сын, Робин Доналд, тоже тенор, но не такого масштаба, как отец. Он сейчас тоже поёт в австралийской опере. (А.О.)

Постепенно я стала втягиваться в музыкальную сферу Квинсленда. То я пела на концертах, вечерах, по радио и телевидению, то - на соревнованиях и экзаменах. В течение трёх с половиной лет я сдавала по два экзамена в год, а также и по два экзамена теории. Зато уже в 1968-м году я имела дипломы по пению и право преподавания! Кроме этого, я училась днём на педагогическом, а вечерами ходила в университет. В 1970-м году я успешно закончила гуманитарный факультет со званием бакалавра.

На очередном концерте в Сити Холл в марте 1967-го года я познакомилась с двумя певцами: чудным тенором, Хенри Хоуелл и с баритоном Ияном Макадамом. С ними я впоследствии много и тесно работала. Так, в консерватории в 1967-м году я впервые пела с профессиональной компанией второстепенную роль Деспины, в опере Моцарта, „Cosi Fan Tutte“. В ней участвовали Хенри, Едди Талбот (тасманская консерватория) и др. Дирижировал Макс Олдинг. В ноябре того же года я впервые пела русскую программу для австралийской публики, в русском костюме. Это был интернациональный концерт молодёжи Эй-Би-Си. Меня также стали приглашать участвовать на концертах общества Мюзика Вива и на Эй- Би-Си. С того периода помню несколько интересных и талантливых музыкантов, с которыми мне посчастливилось сотрудничать. Аккомпаниаторы: Хильда Вулмэр, Юна Маррей, Кристин Вайт (Эй-Би-Си), Ронда Виккерс (А.О.), органисты: Арчи Дэй, Боб Бауджен (Сити Холл) и арфисты муж и жена: Юна и Рис Морган из Квинслендского Симфонического Оркестра.



В.Троицкая и С.Байгильдин.1964г.



*Семья Троицких с Вадимом Лаптевым.
Бризбен, 1964г.*



*Репетиция оперы Моцарта в квинслендской
консерватории. В.Троицкая -2-я слева. 1967.*



*На концерте в ноябре 1968 года. Слева -
пианистка, В.М.Троицкая и её учительница
Т.А. Хитрина.*

С последними у меня как-то произошёл курьёзный случай. Я пела на концерте в Квинслендском Парламенте под аккомпанемент арфы несколько французских романсов. Играла мне Юна. День выпал крайне дождливый и струны у арфы всё время садились и понижали от сырости. Она всё время старалась их подправить и подкрутить повыше, как вдруг одна струна вообще лопнула. Муж её, Рис, бросился помогать с запасной струной, - между тем мы продолжали номер. Было очень нелегко, т.к. тон арфы всё время немного менялся, и я, откровенно говоря, не знала, в какой тональности мне петь: в правильной, или вместе с арфой,- в пониженной. К счастью, её муж успел к концу вещи подтянуть все струны в правильный тон, и мы всё-таки вместе закончили!

Из-за моих выступлений на Эй-Би-Си в Янг Австралия Прогрэм, и т.к. я числилась на русском факультете в университете, когда приезжали русские музыканты и нуждались в переводчице, Эй-Би-Си предложили мне им переводить. За это я получала бесплатные билеты на их концерты. Так я познакомилась со знаменитым виолончелистом из СССР, Даниэлем Шафран и его супругой. Жизнь у меня становилась очень интересной.

В 1969-м году меня пригласили петь главную роль графини в опере Моцарта, „Женитьба Фигаро" в Квинсленд Лайт Опера Компани, которая сейчас называется - Лирик Опера. В «Женитьбе» участвовали: Уоррен Андерсон (А.О.), Маргарет Олири, Джорж Том и др. Постановщиком была Минна Шелли (английская и австралийская оперы). Дирижировал Питер Мартин. Мартина я знала с тех пор, как стала сдавать экзамены. Он был профессором пения и экзаменатором в квинслендской консерватории. Это он порекомендовал меня на главную роль графини, т.к. был хорошего мнения о моих способностях. Я помню, на одном из первых экзаменов, при проверке слуха, я не поняла, что он хотел. Вместо того, чтобы пропеть ноты, проигранные им, я стала их называть. Я помню, он широко раскрыл глаза и после 2-х вопросов сказал - „Ну, довольно!" А также, помню удовлетворительную улыбку директора, когда он подал мне аттестат с отличием...

В нашей компании было несколько шутников. Не обошлось без шуток и на этот раз. Во втором действии - сцена будуара, где графиня пьёт утренний шоколад. На последнем спектакле я по обыкновению хлебнула из чашечки и чуть не подавилась. В шоколад было примешано что-то отвратительное, отчего у меня невольно сморщилось лицо. Очень хотелось выплюнуть, но мой столик стоял у самой рампы, и только мысль, что лысина дирижёра прямо передо мной, остановила меня. После представления меня спрашивали, почему мне шоколад не понравился? В конце сезона мы давали спектакль в историческом Ормистон Хаус, живописно расположенном на берегу залива. С того раза наши спектакли ежегодно давались в этом красивом месте. С этой компанией я пела несколько сезонов, включая: „Прекрасную Елену" Оффенбаха, „Cosi fan tutte", Моцарта, „Дон Паскуале" Доницетти и для консерватории - „Кофейную Кантату" Баха.

В конце 1969-го года меня пригласили в Иннисфайл, на севере Квинсленда, петь партию Микаэлы в „Кармэн ". Там ежегодно устраивается артистическо-культурный фестиваль во время рождественских каникул. Идут постановки драм, балетов и опер. В тот раз оркестром дирижировал Джон Курро, роль Дон Хозе пел Джино Занканаро из Австралийской Оперы. Видно, я понравилась, т.к. на следующий год меня пригласили петь главную роль Розины в „Севильском Цирюльнике".Пока я пела в „Кармэн", я познакомилась с учителем пения из мельбурнской консерватории, Брайан Хэнсфордом, который был приглашён туда в качестве лектора интерпретации, во время фестиваля. У него - прекрасный баритон, и он только что закончил тогда петь премьеру современной оперы для Эй-Би-Си ТВ. Это была постановка нового австралийского композитора, Ларри Сицкого, „Падение Дома Ашера". Ларри Сицкий - русский из Шанхая, теперь проживающий в Канберре....

Следующий год - 1970-й, оказался для меня очень занятым в отношении пения. Для Лайт Оперы я пела два сезона: „Прекрасную Елену" Оффенбаха (Хёр Маджестис Театр) в апреле. Режиссёром постановки была англичанка, которая поставила сцены эффектно и забавно. Эта оперетта высмеивает напыщенность и излишнюю важность и сюжет взят из „Илиады". Оркестром дирижировал Дэйвид Макфарлэйн (теперешний хозяин Лирик Опера). Хотя я вела второстепенную роль богини красоты, Венеры, но была замечена прессой и получила прекрасные отзывы.



«Женитьба Фигаро»
1969.
Сусанна – Памфретт,
граф – Джорж Том,
Графиня – Вера
Троицкая.

1970 – В.М. Троицкая получает степень
бакалавра в Квинслендском университете



«Прекрасная Елена», Бризбен.
Хёр Маджести Театр, 1970.
Венера – Вера Троицкая.
Парис – Лэз Блэк.

Второй сезон шёл в октябре. Снова шла „Коси" Моцарта, но на этот раз я пела главную партию. Макадам и Макфарлэйн пели героев, дирижировал Талбот, а постановщик был известный по драматическим театрам и по Эй-Би-Си-Брайан Молл. Наши шутники тут тоже не преминули проделать номер. Во время моей арии "Come Scoglio" („Как Скала") мне на сцену преподнесли кусочек булыжника (скалы), элегантно перевязанный бархатной ленточкой. Выход этот был вне постановки, и конечно - неожиданный. С трудом удерживая смех, я допела арию...

Между этими постановками я пела на „Инструментальных и Вокальных" соревнованиях Эй-Би-Си. Сейчас они называются „Янг Австралия Компетишёнс." Финал был 6-го июля в Сити Холл. Оркестром управлял Эзра Рахлин (Хьюстон Симфони). Я взяла первое место и была ангажирована Эй-Би-Си для передач по радио.

В сентябре я приезжала в Сидней на соревнования „Сан Ария". После многих „раундов" я попала в финал, где получила 4-е место из 102-х певцов. Финал шёл в сиднейском Таун Холле 26-го сентября, на котором я познакомилась с опытной пианисткой - Меган Эванс. В газетах шла журнальная драка из-за несправедливого решения по отношению ко мне! Сразу по возвращении из Сиднея я пела на оперном состязании в Тувумба, где взяла первое место.

После окончания оперного сезона в Бризбене я снова пела для „Метрополитэн", где тоже взяла первое место. Была послана опять в Сидней на полуфинал. Летела вместе с венгерским дирижёром, Тибор Паул, который в то время гастролировал по Австралии. Мы с ним познакомились, а на следующий день я уже пела под его дирижёрской палочкой. Финал же был в сиднейском Таун Холле, ещё - через день, где я получила четвёртое место.

В декабре я ездила на север петь Розину в „Цирюльнике". Работала с Рональдом Маконнаги (А.О.) - Фигаро, Норманом Йемм (А.О. и Хомисайд на Т.В.) - Доктор Бартоло, Хенри Хоуелл -граф Альмавива. Дирижировал оркестром опять Джон Курро. Между прочим, Йемм хотя и любил оперу, но променял её на работу по телевидению, т.к. по его словам, там выше оклад и работа имеет круглый год! Норман был тоже большой шутник и во время спектаклей проделывал совсем неожиданные штучки. Один раз он появился на сцене с собачкой нашей пианистки-концертмейстера. Он шагал с ней по сцене из стороны в сторону, ведя с ней разговор на злобу дня, и конечно, совсем не по тексту. Меня же он совершенно игнорировал, пока я не решилась сама его прервать тоже какой-то отсебятиной.

Следующий 1971-й год принёс сезон „Кофейной Кантаты" Баха (для консерватории) в марте, а в сентябре - чудесную оперу-буфф Доницетти, - „Дон Паскуале". Я пела главную роль Норины, Макадам играл старика Паскуале, Джорж Том - доктора Малатеста, а Эрнесто пел тенор, Фицпатрик. Режиссёром опять была милая Минна Шелли, и опять мы пели один спектакль под звёздами в Ормистон Хаус (3-го октября), с помпой и оркестром пополненным из квинслендской симфонии. Одновременно, в 1971-м году я попала на соревнования „Новые Лица" по телевидению (на 9-м канале), и, т.к. я получила первое место в Бризбене, то была послана в Мельбурн. Следующие 3 недели я провела между Бризбеном и Мельбурном, выступая в одном - по понедельникам, а в другом - по четвергам, пока не достигла гранд-финала. Выиграла много призов, в том числе и машину. Познакомилась и даже подружилась с интересными людьми, как: Гордон Бойд, баритон, Джеффри Харвей, дирижёр джаз-банда, Бэрт Ньютон. Пела я в костюмах и с декорациями отрывки из разных постановок, как: „Графиня Марица", „Дон Паскуале", „Травиата".

Дальше, на финале Метрополитэн в 1971-м году (в Сиднее) я получила приглашение от директора оперной школы при сиднейской консерватории поступить к ним в школу. Ронал Джаксон предлагал мне стипендию на следующий год. И вот, в 1972-м году я переехала в Сидней, чтобы продолжать заниматься сценическим искусством. Уже в апреле-мае я пела с консерваторией в сезоне „Дон-Жуана" Моцарта главную партию Донны Анны. Оркестром дирижировал Роберт Пиклер. В главных ролях были: сам Ронал Джаксон - Дон Жуан, Джино Занканаро (А.О., с которым ранее я пела „Кармэн") - Дон Оттавио, Глин Паул (В.О.) - Лепорелло, Александр Шахматов и Ричард Кэртин (В.О.- Виктория) - Статую, Катрин Дювал - Эльвиру. На репетициях мы работали с пианистами: Бэрри Голдинг, Линн Робертсон (А.О.). А также я познакомилась с австралийским композитором, Вёрнер Бээр. Пока я жила в Сиднее, я занималась у Флоренс Тэйлор, которую мне порекомендовал Вадим Лаптев. Я также продолжала петь



«Дон Паскуале» - В.Троицкая - Норина. 1971.



«Дон Жуан», 1972. Сиднейская консерватория. В. Троицкая в главной роли Донны Анны с тенором из австралийской оперы – Дж. Занканаро и директором - Ронал Джаксоном.

на Эй-Би-Си, где мне сопровождала Мари ван Хоув,- жена Дейвида Паркера (сейчас они оба в Канберре, где он занимает пост директора Музыкальной Школы.) Какой всё- таки малый свет! Ведь ещё примерно за год до этого он был моим судьёй на конкурсе Сан Ария, а теперь мы были коллегами! Пела я и для Мюзика Вива в Сиднее...



В. Троицкая в роли Баттерфляй. 1973.

У Флоренс я познакомилась с её студентами: тенором, Джон Мэйн, и с уже всемирно-известным баритоном, Раймонд Мэйерс. Он в особенности прославился в роли Летучего Голландца. Позднее, уже в Вуллунгонге я сотрудничала с Джон Мэйном в „Сотворении Мира“ - оратории Гайдна. Джон Мэйн сейчас преподаёт в Сиднее, и одна моя знакомая пианистка работает у него в студии, которая рядом со студией Флоренс...

В октябре 1972-го года я ездила на вокальные соревнования в Батэрст. Там я взяла несколько первых призов, в том числе и Кальтекс Арию. В марте 1973-го года мне дали роль Чио Чио Сан (Мадам Баттерфляй) с консерваторией. Мы ездили на гастроли в Орэндж, где эта опера шла в новом Амоко Центре. Постановщиком был сам Ронал Джаксон, дирижёром - Дэвид Эндрюс (незадолго до этого он работал концертмейстером в Лондон Опера), Пинкертон пел Рон Стивенс из австралийской оперы, Бонзу - Ричард Кэртин, Сузуки - Сильвия Вейд, а принца Ямадори - Нейл Причард-Смит. Дэвид Эндрюс был прекрасным музыкантом, он на память знал почти полные клавиры. Он очень любил Чайковского, знал „Евгения Онегина* наизусть, и часто в перерывах на репетициях начинал играть то письмо Татьяны, то какую-нибудь другую арию, и всегда просил спеть. По окончании сезона, вернувшись в Сидней, мы ставили „Баттерфляй" в Елизабетан Траст Театре (Ньютаун). В июле мы ставили концерт разных отрывков из опер, как „Орфей". Я должна была петь сцену из современной вещи Менотти „Консул" - арию Магды в консульстве. Тут Дэвид как раз рассказывал мне про случай из этой оперы в Лондоне. Пела Магду новая звезда - австралийская певица, Мари Кольер, прекрасное сопрано. К сожалению, она вскоре покончила жизнь самоубийством (1971). Она пела последний акт, где хочет отравиться газом из печки. Пол, на котором стояла печка, был покатым и в тот момент, когда она поёт: „Не знаю, что мне делать", и старается засунуть голову в духовку, печь вдруг поехала вниз по склону, прямо к рампе и к оркестровой яме! От трагического момента ничего не осталось. Публика разразилась хохотом. Смеялись и дирижер, и оркестр. Пришлось закрыть занавес и начать весь акт заново...

После этого я учила полностью партии: Тоски и Виолетты с концертмейстерами, т.к., выиграв стипендию, я собиралась в Вену. Пианистами у меня были недавно вернувшийся из Германии Ричард Гилл (один из дирижёров в австралийской опере А.О. сейчас) и Эрик Клэпэм, капельмейстер молодёжного оркестра. Меня всегда интересовала география, история; чужие страны притягивали меня к себе, как магнит, своими обычаями, своей экзотикой. Думаю, что это привилось мне ещё с детства: каждые летние каникулы мы уезжали куда-нибудь на дачу по восточной линии Маньчжурии. Мы бывали на станциях Мао-эршань, Шитоухэдзы и др., ходили по болотам и полям, собирая цветы, лазили по горам и лесам, собирая грибы. Помню Сахарную Голову, помню, как я страдала и пыхла, карабкаясь на Чортов Рог в Мао-эршани на четвереньках. Помню купание в холодных горных речушках, ловлю пескаррей и раков, а потом вкуснейшую яичницу с ними или с грибами после такой „экспедиции".

Живя в Австралии, мне тоже удалось побывать в её некоторых уголках, проехаться по Новой Зеландии, Индонезии, побывать на разных островах Тихого Океана.

И вот тут я решила: раз подвернулась мне возможность, то нужно ею воспользоваться. Вместо того чтобы лететь напрямик в Европу, я захотела проехать как можно дольше и увидеть как можно больше. С двумя знакомыми австралийками я взяла билет на английский автобус туристической компании, который ехал из Индии через всю Азию. Между перелётами из Австралии в Индию мы осмотрели Сингапур и Бангкок. В Нью-Дели мы нашли много интересного, пока мы ждали остальных членов нашей поездки.

В старом городе помню колоссальную мечеть Джамия, самую большую в мире, где нам пришлось разуться перед входом в неё, как и перед входом во все мечети вообще. Помню старый красный Форт на берегу реки Джумны и прекрасные строения в нём, как удивительно красивую „Жемчужную Мечеть“. Она действительно была, как жемчужина: маленькая, голубоватого оттенка, отливавшая перламутром. На её гладких мраморных стенах были выточены гирлянды экзотических растений. Она была в особенности прекрасна при лунном свете, и человек просто растворялся в этой красоте, поэзии и покое. В старом Дели - скученность домишек, типичное перенаселение и беднота восточного города, суетящегося вокруг древних монументов прекрасной архитектуры. Это столица Шаха Джохана, который жил в 17-м веке. Главная улица того времени считалась одной из богатейших в мире. Здесь вы найдёте дешёвых ювелиров и нищих, мелких торгашей и охотников за сувенирами, нескончаемую вереницу толпящихся и оглушительный крик торгующихся. Очень интересно было посетить индуистский храм, Лакшми-Нарай, вокруг которого по садам важно разгуливали павлины на свободе, бегали крошечные полосатые белочки, а из храма клубился фимиам, неслись звуки мелодичной зитары. Было приятно, что туристы соблюдали тишину. На доске возле храма гласила надпись:

„Тот, кто хочет переплыть океан жизни, кишасящий крокодилами сладострастия, гнева, жадности и страстей, должен держаться поучений „Бхагвад Гиты,“ в которой дисциплины действия, молитвы и мудрости, как вёсла, легко переправят его в страну освобождения (Нирвану).

Помню религиозную сикхскую процессию слонов, причудливо разрисованных и богато убранных в шёлк, бречащих серебряными бубенцами. Также помню бедноту и грязь везде. Оборванные грязные бороды, сидя на корточках или ступенях перед своей корзиной с „инструментами“, чинно делают своё дело прямо перед прохожими. Мужчины, жующие бетель, сплёвывают красным под ноги. Тут же, скрестив ноги, флейтисты играют своим кобрам в корзинах, натирают до блеска ботинки бойки за 1/4 копейки. В центре нового города, недалеко от здания парламента, расположен Круг Коннот, где находятся бюро авиационных компаний и самые дешёвые магазины. В особенности меня поразили витрины ювелиров своим богатством и разнообразием. Такой роскоши, тонкости работы и неожиданного сочетания разных камней я не ожидала! Тут жемчуг переплетается с бирюзой, рубины перемежаются с бриллиантами. Причём, редко видишь кольцо в один ярус, чаще в два или в три, и больше!

Еда в Индии очень острая, почти всё переперчено, т.ч. иногда мясо выглядит зелёным от специй и приправ и кушать бывает просто невозможно. Наконец, вся наша компания собралась, и мы пустились в долгожданное путешествие уже на нашем удобном автобусе марки Мерседес-Бенц. Он порядком выделялся среди бедноты местного транспорта. Здесь ободранные автобусы всегда переполнены до того, что берёт удивление: как люди не вываливаются из них? Вообще же по всей Азии смесь видов транспорта на дорогах поразительная. Рядом на шоссе как-то уживаются грузовики с велосипедами и лошадиными дрожками. Тележки с осликами едут бок-о-бок с автобусами и мотоциклами. Но самое отличительное, это везде толпы народа и пыль столбом.

Из Нью-Дели мы предприняли 2 экскурсии: сначала в Катманду, а затем - в Агру. В Непале некоторые из нас решили потратиться на полёт в маленьком аэропланчике над Гималаями. Я ничуть этого не пожалела. Полёт оказался чудесным. Мы парили в волшебном царстве пушистых облаков, плывущих над вершинами гор, ослепительно сверкавших под снежным ковром. В Агру мы выехали засветло, чтобы увидеть её в лучах восходящего солнца. Это тоже была незабываемая картина! Нужно отдать должное нашему гиду и шофёру. Они знали все лучшие дороги, самые интересные места, самые благоприятные моменты для их посещения, самые дешёвые магазины и всегда подавали нам умные советы.

Так посетили мы Таж Махал, когда ещё других туристов почти не было. Таж Махал - это настоящая мраморная мечта, мавзолеей любви Шаха Джохана к своей жене Мумтаз Махал! Издали дворец кажется ослепительно белым, но вблизи видишь, что мрамор весь в изразцах чудесных гирлянд цветов из драгоценных камней. В мраморе выбивается рисунок и в эту щель вставляется камень соответствующего цвета точно того же размера. Так, цветы сделаны из красного карнелиана или аметиста или синего ляписа, листья - из зелёного малахита или хризопраза, а ветви - из агата или яшмы. Также мы осмотрели Жасминный Дворец с его гаремом и потом были в Красном Форте, где в башне был заточён Шах Джохан на старости лет своим сыном. Несколько минут я посидела в его маленькой каморке. Злой иронией судьбы, одно её оконце выходило видом на им же построенный Таж Махал! Другое выходило на реку Джумну. В то время, когда я из него глядела, через реку переправлялся караван верблюдов, как и столетия прежде. Меня охватило чувство, будто время давно остановилось...

На следующий день мы покинули Нью-Дели и направились на северо-запад в Амрицар - главный город сикхской провинции Пунджаба (пяти-речья). Мы постепенно поднимались на горы, и ночью было довольно прохладно. На заре мы поехали осмотреть знаменитый Золотой Храм сикхов. Он выглядел очень эффектно ранним утром. Арам называется золотым, потому что его купола сплошь покрыты позолоченной медью. Сам же храм белый, ажурный, своеобразный, удивительно красивый. У входа - водоём, который входящим нужно пройти босыми, чтобы омыть с себя грязь и телесную и духовную. Было довольно холодно: шёл пар изо рта, лужицы стояли подёрнутые льдом, но нечего было делать - пришлось снять обувь... Мы покидали Индию...



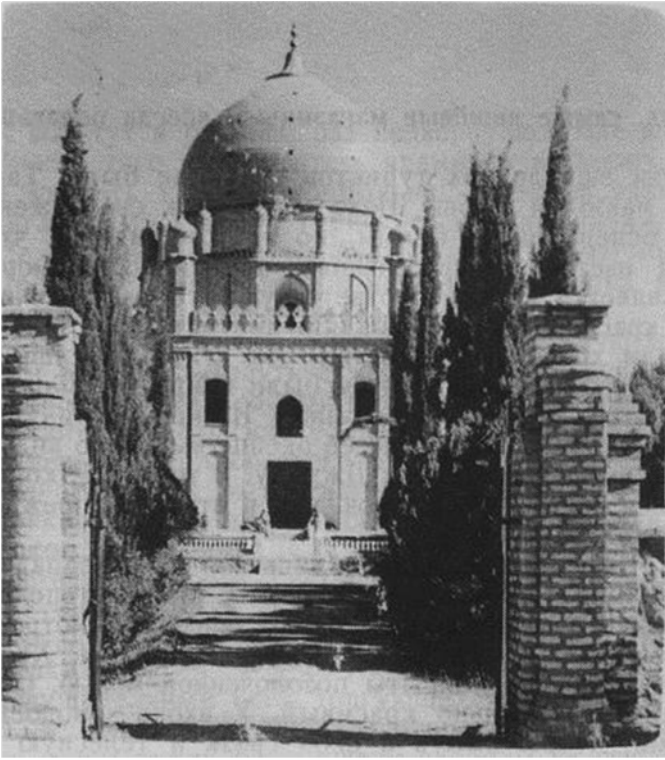
Окошко в мечети.



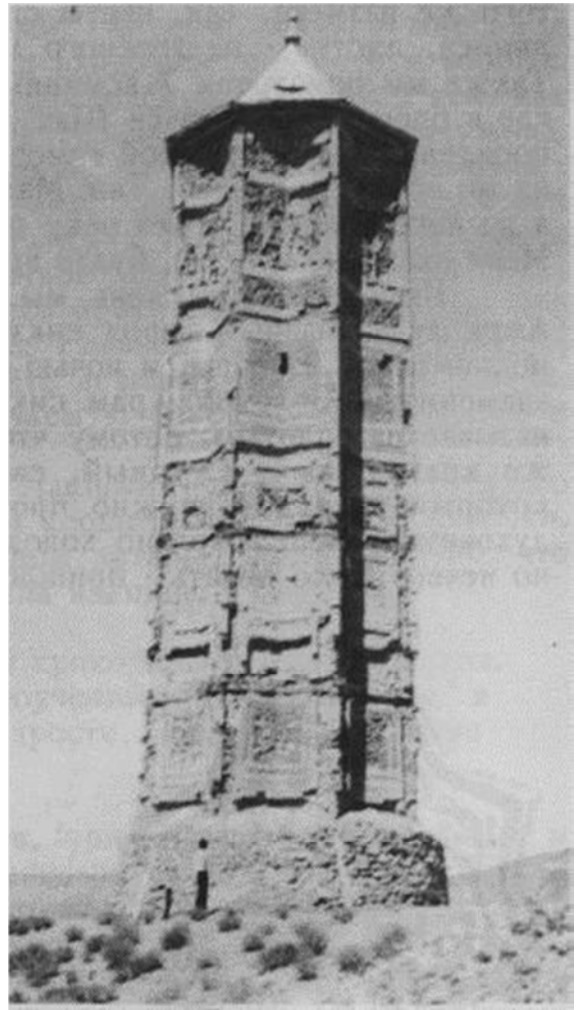
Чайхана: любимое занятие в Средней Азии.

Пакистан мне совсем не понравился. Он был какой-то весь взбудораженный, воинственный. Переход через границу занял полтора часа. Придирки были ко всему. За полчаса у нас четыре раза проверяли паспорта. В Лахоре толпы студентов-демонстрантов задержали нас ещё на 2 часа, т.к. из-за них автобус не мог двинуться. К тому же меня здесь впервые ущипнули. По всей Азии у приезжих женщин атакуют зад, преследуют отвратительными чмокающими звуками, они подвергаются беззастенчивому и наглому рассматриванию. Со временем привыкаешь быть настороже и грозно отбиваться сумкой. Из-за проволочек нам не осталось времени посмотреть достопримечательности города, как: форт, построенный Акбаром, с фресками, показывающими борьбу слонов и верблюдов (которую я впоследствии видела воочию), всадников играющих в поло. Там же находятся знаменитые Сады Шалимар с павильонами, фонтанами, каскадами. Но ничего этого мы не увидели, т.к. торопились дальше.

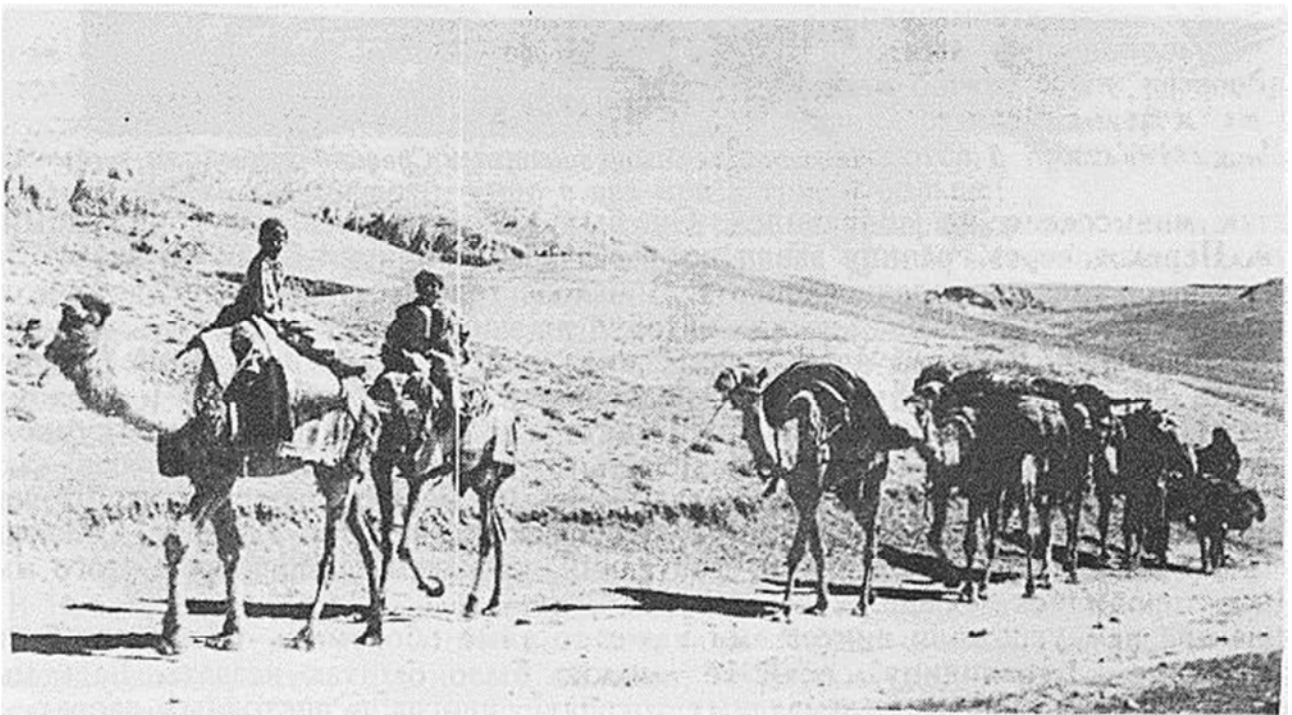
В Пешаваре нам угрожали винтовками какие-то злые оборвыши, т.ч. из автобуса мы скрылись прямо в „гостиницу“, если её можно было бы так назвать. Ведь мы останавливались в самых дешёвых, заурядных „отелях“, иногда в постоянных дворах, а один раз - даже в бывших армейских бараках. Удобства были крайне стеснённые. Один раз, помню, как я мылась в душе, - железобетонной коробке с отверстиями сверху и внизу и удивлялась:



Афганистан. Кандахар: мавзолей Мирвы Баба.



Афганистан. Газни: минарет.



Афганистан. Верблюжий караван.

«Почему я не чувствую особенного холода? Ведь на дворе снежок! Пешавар стоит недалеко от границы, окружённый враждующими племенами. Место это - стратегически важное, охраняемое индусскими властями. На берегу реки Инда стоит форт, построенный ещё Акбаром Великим в 1606-м году, первым монгольским правителем Индии. Солдаты в Пешаваре нас предупредили, если мы хотим посмотреть на сувениры, чтобы мы не ходили в одиночку и чтобы никуда не сходили с главной дороги, т.к. они не ручаются за нашу безопасность! Вдруг стало очень прохладно.

Мы были рады покинуть неприветливый Пакистан. Нам предстоял спуск через горный перевал в Афганистан. С 6-ти тысяч футов мы кружили винтом по ущелью, где пенилась и билась речка Кабул по камням. Казалось, что какие-то гиганты нарочно накидали сюда чудовищные булыжники и глыбы! Мне это сразу напомнило Терек и Кавказ Лермонтова. Вокруг лепились маленькие аулы из глинистых кирпичей, сливаясь с желто-коричневым пейзажем. Перед Кабулом был захватывающий вид. Перед нами простиралась равнина со стадами овец и их пастухами, одетыми также, как одевались их предки тысячелетия назад. Через равнину текла уже успокоенная, широкая и синяя река, а вдали белели величественные вышки гор Хинду-Куш. Потрясающе!

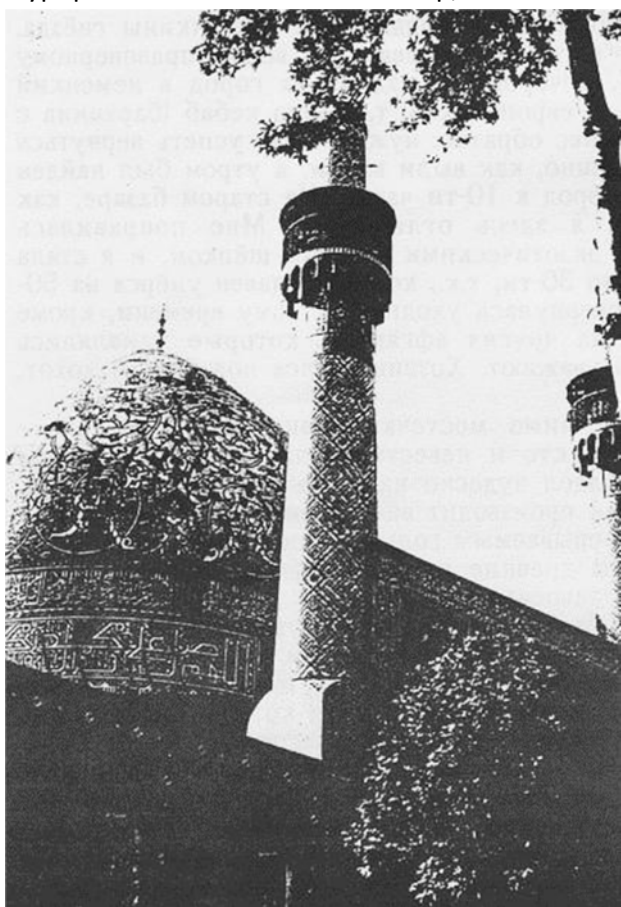
Кабул своим новым центром немного напомнил мне Харбин. Тут тянулись широкие бульвары с деревьями по краям. Дворец бывшего короля выглядел, как игрушечный английский форт, даже караульные, стояли у своих будок замерши, как оловянные солдатики. В центре милиционер распорядился движением, деловито размахивая чем-то, похожим на лопатку для пинг-понга. На базарах продавалось много волчьих шкур и изделий из них: шубы, шапки, сапоги, муфты, рукавицы. В каждой приличной лавке стоял маленький чайный стол на полу. Под ним ковёр, накинутый на печурку, в которой держатся горячие кирпичи. Когда покупателя приглашают на чай, то усаживают на подушки, чтобы ноги были под ковром для теплоты. К чаю подаётся что-то вроде орехов в сахаре, кусочки молочных сладостей, изюм. Старый Кабул стоит на горе. Издали дома там выглядят, как ласточкины гнёзда. На самом вершине - мечеть. С минарета мулла регулярно взывает ко всему правоверному люду завывающими руладами по микрофону. Вечером мы ездили за город в немецкий ресторанчик. Было замечательно скушать что-то европейское, т.к. чело кебаб (баранина с рисом) нам порядком надоели. Шофёр торопил нас обратно: нужно было успеть вернуться до закрытия городских ворот. Ночью было слышно, как выли волки, а утром был найден разорванный труп. Бедняга, видно, опоздал в город к 10-ти часам! На старом базаре, как и по всей Азии, можно поторговаться, и я здесь отличилась. Мне понравилась безрукавка, вроде жилетки, чудесно вышитая экзотическими цветами шёлком, и я стала торговаться. Со 120-ти афганов я сбила цену до 30-ти, т.к., когда продавец упёрся на 50-ти, я сделала вид, что потеряла интерес и повернулась уходить. К тому времени, кроме моих компаньонов, собралась приличная кучка других афганцев, которые удивлялись умению европейки торговаться и которые это уважают. Хозяин сдался под общий хохот, и я вышла со своей жилеткой.

По дороге в Кандахар мы проезжали мимо местечка Газни и около него - колоссальную статую Будды, которую невесть кто и невесть когда поставил посреди пустынной равнины. Хребёт Хинду-Куш выглядел чудесно на фоне голубого неба, как пышно взбитые сливки. Вообще же Афганистан производит впечатление полу-пустыни, с вечно жёлто-коричневым пейзажем, кое-где прерываемым голыми каменистыми холмами, минаретами, караванами и караван-сараями. В древние времена Афганистан назывался Бактрией, которую Александр Македонский завоевал по дороге в Индию. Некоторые солдаты из его армии остались после ухода остальных. Их потомки до сих пор сохраняют черты греков. Было странно видеть смуглых мальчуганов с голубыми глазами и с вьющимися рыжеватыми и даже с блондинистыми волосами. После обеда пустое поле у окраины Кандахара вдруг стало наполняться юртами, овцами, козами, верблюдами, людьми, клубами пыли. Приехал стан кочевников с ярмаркой. Их так и зовут: Кочи. Выглядят они настоящими цыганами - тонкие, стройные, чёрные, довольно нахальные. Они до сих пор стараются кочевать из Афганистана в южный Узбекистан и обратно. Женщины их, в отличие от афганских, не носят чадры, ходят простоволосые, некоторые повязаны платками с монистами. Одна познакомилась со мной и выклянчила у меня дешёвое серебряное колечко. Ей, конечно, очень хотелось другое получше, но не вышло... Вскоре пошли тут разные интересные игры. Было два

рода борьбы. Один род борьбы был похож на монгольскую: мужчины по пояс голые старались дать друг другу подножку и сбросить противника наземь. Другая борьба была между верблюдами. Было ошеломляюще, как эти звери поднимались на задние лапы, боксировали и с остервенением грызли друг друга. Из-за пыли закат казался огненно-оранжевым. Я никогда не думала, что такое ещё существует на свете!

Дорога в Герат идёт через одну из тяжёлых пустынь: Дашт-и-Марго (Пустыня Смерти). Через неё ведёт хорошее шоссе, построенное американцами. На полпути оно вдруг меняется на железобетонное, проложенное советскими, по которому ужасно трясёт. Каждый раз, где сходятся железобетонные плиты, колёса автобуса подпрыгивают, переезжая скважину. Ближе к городу, кое-где пасутся стада овец с толстыми курдюками. Когда у них нет корма, то жир с курдюка поддерживает их. Стерегут их свирепые псы без ушей и хвостов. Их обрезают, чтобы волки не могли за них уцепиться, когда собаки отстаивают свои стада от волков. В Герате живёт гостеприимное племя афганцев, по имени Молдон. Они продают рубашки-косоворотки различных расцветок, с чудесной вышивкой шёлком. Рубашки очень напоминают русские косоворотки, и я купила себе две. Как-то мы зашли в лавку сапожника, где моя компаньонка купила себе полусапожки. Хозяин усадил нас за чай у самовара, а сам стал играть на струнном инструменте вроде мандолины с длинной шейкой. Называется она диферью и имеет от 14-ти до 22-х струн. Было очень приятно... Тут также продавались славные серебряные изделия из ляписа и бирюзы. Наш путь продолжался на запад.

Переехав границу Ирана, мы сидели и ждали чиновников 4 часа. Единственным развлечением оказались фисташки. Здесь они растут в изобилии и продаются в огромных мешках из рогожи, по несколько копеек за кило. В Мешед мы приехали поздно, усталые и злые. Этот город является Меккой для мусульманской секты шиитов, т.к. здесь похоронен их Имам Реза. С Мешеда до Тегерана шёл с перерывами снег. По дороге в Горган мы ехали мимо заповедника, в котором бегали дикие кабаны. Их было видно с дороги. Дальше, наш гид завёз нас в маленькое курортное местечко Бабол - Сар, на самом побережье удивительного Каспийского моря. Оно



Исфахан: Мечеть Шаха.

было серое, светло-зелёного оттенка, спокойное. Моё сердце не выдержало. Я сбросила туфли, засучила штанины и помчалась в воду. Ноги проваливались в чёрный, илистый, засасывающий песок. Было холодно, но приятно. Остро пахло солёным, свежим, бодрящим, морским запахом. Курорт со своим казино в это зимнее время был совершенно пуст, и хозяин маленькой забегаловки, куда мы ввалились покушать, был несказанно рад нашему посещению. Тут я впервые попробовала свежее-зажаренную осетрину (осетрин кебаб). Замечательно вкусно! Хорошо пообедав, мы пустились через Эльбрусские Горы с цепями на колёсах. Шла пурга и мы двигались медленно. Одно время нашему гиду пришлось шагать впереди автобуса, т.к. не было видно ни зги. Наконец, часам к 8-ми мы доползли до Тегерана. В Персии меньше грязи на улицах, т.к. люди ведут себя гораздо более цивилизованно. Первое, что бросается в глаза, - это тьма на вид европейских ресторанчиков, кафе, аркад, магазинов, чудесных кондитерских с вкусными пирожными и хорошим печеньем. В каждой лавке, в каждом магазине и банке были развешаны портреты Шаха. Нам объяснили, что иначе нельзя...

Мне это напомнило вечно-обязательные портреты Ленина-Сталина в СССР! Здесь женщины были красиво и элегантно одеты по-европейски, модерно причёсанные, накрашенные, на высоких каблучках. Это было поразительнейшей переменной после Афганистана, где все женщины ходят в тёмных балахонах с головы до пят и где на месте их глаз вставлена сеточка. В Персии более пожилые традиционные дамы иногда одевают накидку поверх своей одежды, напоминающую древний плащ, в роде тех, которые на византийских иконах. В Тегеране снег был по колено, но стал таять на солнце и была невероятная слякоть. Для стока воды канавы здесь вырыты по обеим сторонам дороги в фут шириной, а глубиной - иногда до 7-ми футов. Нужно было быть осторожным, т.к. очень опасно. Наш шофёр как-то провалился, - пришёл злой и мокрый по бёдра: снег натаял и канавы были почти полные.

Через несколько дней нас повезли на юг в Исфахан, старый, можно сказать, средневековый город. Если вы когда-нибудь представляли себе сказочный, экзотичный Багдад, то это - Исфахан. В самом центре города расположена большая площадь, живописно и уютно обрамлённая с трёх сторон великолепными мечетями с ярко голубыми куполами, высокими минаретами. Своей голубизной и красотой они соперничают с небом. Вообще же мечети мало отличаются в странах Средней и Малой Азии. В целом - они очень схожи. В Индии - они из мрамора с резной или рельефной работой, дальше, в Афганистане, они из песчаника с глазированными куполами, в Персии они из глазированного кафеля с разводами, а в Турции - из мозаики.

С четвёртой стороны к площади прилегает большой крытый базар. Внутри, у самого входа, углу с завязанными глазами ходит верблюд вокруг столба и крутит огромный жёрнов, растирающий краски. Эти краски делаются для шерстяных ниток, которые используются в ткани ковров. Ковры ткуются в маленьких цехах при этих же мечетях. Здесь - поэмы, а не ковры. Ничего подобного вы представить себе не можете, все традиционные рисунки из 1001-ой ночи, самых различных цветов и оттенков! Я помню, мне понравился один маленький голубой коврик, но он оказался в 6 раз дороже большого. То был ковёр из шёлка, тонкого плетения. Стежки - узлы в нём - тонкие и маленькие, берёт очень много времени и усилий такой сделать. На крыше базара красятся нитки и сушатся под небом. Когда ковёр готов, его приносят сюда же, где в одной мастерской его подстригают огромными ножницами, размером фута в полтора. Затем в другой мастерской ковёр отглаживают колоссальным чугуном утюгом с углями внутри. Такой утюг, только маленький, был у моей бабушки в Харбине. Потом ковёр развешивают на солнышке и отхлопывают плетёнкой. Тут же на крыше, в другом цехе-помещении расположена дивная мастерская старого персидского художника-миниатюриста. Он пишет по белой кости козлиного рога или по слоновой кости. Сюжеты у него - охота визирей, всего размером в ладонь... Многие мужчины здесь носят шапки из каракуля. На базаре было много интересного, но больше всего меня поразили самовары. Они здесь так и называются. Их тут было невероятное количество, - всевозможных размеров, от самых больших двухведёрных, бронзовых, стальных, пузатых, гранёных, электрических, для углей, - до крошечных серебряных и даже совсем игрушечных, золочёных.

В самом Исфахане живёт довольно обширная колония армян и тут находится их древняя церковь с датой 1628-го года. В ней поразительно красивые фрески, образа и интересные надписи в виде бордюров. Ходили мы в прекрасный ресторан „Шехерезаду“, где в золочёной клетке весь вечер распевал соловей. Попробовали национальное кушанье: фазан в гранатном соусе. Очень приторным мне показалось это блюдо. Потом танцевали в диско „Золотой ключ“. Вернувшись в Тегеран, мы направились далее на запад через Табриз, а потом - в Эрзурум.

Переезд был длиннейшим и одним из самых утомительных. Переехали границу в Турцию „безболезненно“. Видели Армению, до которой было всего 9 километров, проехали мимо Горы Арарат, где должен находиться Ноев ковчег. Дорога лежала 8 1/2 тысяч футов над морем, было скользко и шёл снег, т.ч. Эрзурума мы достигли только к 10-ти вечера, быстро покушали и свалились в изнеможении.

Турция оказалась самой интересной страной на нашем пути. Здесь произошло смешение многих древних народов и их культур. По Турции прошли и осели народы Малой Азии (дорий-

цы), греки, вавилоняне, персы, евреи, римляне, армяне, грузины, византийцы, арабы, монголы и турки. Тут жил легендарный царь Крез. В Турции воевали такие знаменитые исторические фигуры, как Ахиллес и Агамемнон с Гектором, Приамом и Парисом, Александр Македонский с Дарием персидским, Цезарь Адриан, Чингиз Хан, потомки которого дошли до врат Вены, Сулейман Великолепный....Тут сражались и основали свои крепости крестоносцы. Тут проповедовали апостолы Пётр, Павел, Филипп и Иоанн. Тут жила сама Дева Мария. Тут в Патаре (в



Караван-сарай в северо-восточной Турции.

Ликийской местности) родился Святитель Николай и служил архиереем в Мирах (теперь Демре). Тут собиралось несколько вселенских соборов (первый состоялся в Никеи в 325-м году). Здесь родился Гомер, автор бессмертной „Илиады“, арабский поэт Омар Хайям, автор поэмы „Рубайят“. Здесь находились 3 из 7-ми чудес древнего мира – Мавзолей Геликарнасса (теперь Бодрума), храм Артемиды эфесской, деревянная лошадь Трои. Здесь находятся руины Афродизии, Гиераполиса, Адрианополя, Александретты, Цесарии, Халкидона, Антиохии и др. Здесь возвышаются горы, как: Олимп - жилище богов, Нимруд, Ида;

текут реки, Евфрат, Тигр, Менандр. Вообще Турция поразила меня своей природной красотой, богатством своих раскопок и слиянием классических культур с турецко-арабской цивилизацией. Край включает в себе холодные заснеженные горные местности, широкие равнины с богатейшими пастбищами, голые скалистые пустыни, вулканические местности со всевозможными минеральными источниками, чудесные, глубокие озёра и полноводные реки, а также чудные курорты на морских побережьях, как Кушадаси. Недаром сюда стремились все народы! Я, конечно, некоторые общие факты о Турции знала, но когда узнаёшь подробности и видишь всё воочию, история оживает перед глазами...

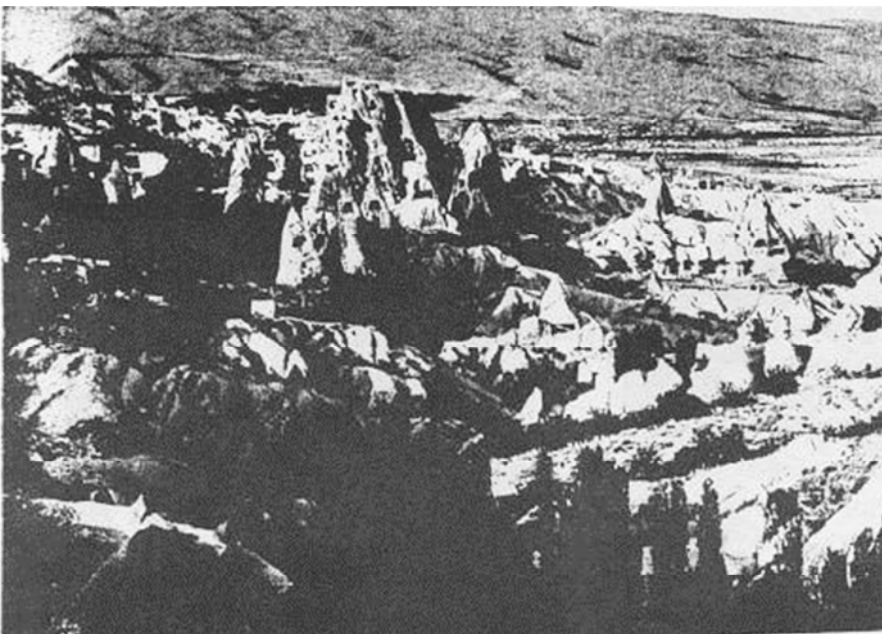
Эрзурум когда-то был главным городом Армянского царства, а впоследствии - древней Грузии. Он расположен на берегу Евфрата. На древнем Эрзуруме в 5-м веке византийский император Феодосий основал свой город, Феодосиополис. Одно время город принадлежал Армянскому царству (Урарту), потом явились Селчуки, за ними Оттоманские турки и захватили город в свою империю. Все эти многонациональные слои оставили свой отпечаток на Анатолии, хотя из-за землетрясений городе мало осталось исторического.. На север от Эрзурума находятся много интересных старинных армянских и грузинских храмов. В Эрзуруме еда состоит из разных греческих, турецких, армянских, и даже русских блюд. Помню там был суп с фасолью, долмы (греческие голубцы), русский салат, и вкуснейший рахат-лукум (лукуми). Из Пакистана мы ехали путём Марко оло, только в обратную сторону. Большинство страны находится в вулканической зоне, но благодаря прекрасному климату и курортным местам с тёплыми источниками, здесь ещё в давней древности обосновалось множество греческих городов, колоний. Поэтому здесь больше древне-греческих руин, чем в самой Греции!.. Утром нашему шофёру пришлось кипятком размораживать бедную батарею нашего автобуса! Обедали мы в Эрзинджане, старинном сонном, армянском городишке, а к вечеру достигли Шивас. Утром мы снова отогревали автобус. Ехали по горам с дух-захватывающей снежной панорамой мимо вулкана Эгеус (12,000 футов). Остановились на ночлег в маленьком местечке Юргуп, на краю Долины Гореме (долина ветров). Утром, когда оттаял наш автобус, мы съездили в городок Аванос, центр мастеровых: гончаров, скульпторов, резчиков. На обратном пути мы посетили знаменитую долину Каппадокии. Тут ветром были выточены причудливые как бы сталагмиты в мягкой вулканической породе. В этих сталагмитах древние христианские отшельники в 9-м веке вырыли пещеры, в которых они



Рельеф Александра Македонского с гробницы.

устроили крошечные церкви, расписанные фресками. Позднее, когда мусульмане производили гонения на христиан, здесь поселялись целые деревни. Поэтому иконопись в этих церковках делится на два типа: ранняя - красных оттенков, поздняя - голубых и других окрасок (12 в.). Письмо прекрасное, исторически важное. Жаль, что многие лики испорчены: выцарапаны глаза копьями, даже у икон на потолке, т.к мусульмане верят, что через глаза можно получить душу человека. Поэтому портреты у мусульман пишутся всегда в профиль. Когда мы лазили по этим пещерам, был метр снега т.ч. мы катались, как медвежата, по скользким

ступеням. Не знаю, как голова уцелела у всех!



Отшельнические пещеры в Горе-ме.



Мозаика на потолке одного из храмов.

Дальше маршрут наш шёл через Конью (бывший Икониум), которая славится своими танцующими дервишами. Танцы мне их понравились, но сам город - не очень. Это был чисто турецкий провинциальный город, с излишне вычурным, именно турецким стилем. Везде использовалась декоративная арабская роспись, тексты из корана, даже на деревянных ложках. Мы продолжали ехать на запад, мимо прелестного замёрзшего озера Эгридир. Тут мы полакомились свежей рыбкой, пойманной из проруби. Мы направлялись в городок Памуккале, на горячих минеральных источниках. Выделения кальция в воде произвели очень интересные формы, как бы белого каменного водопада, который спускается с возвышенности вниз, прямо 1,000 футов - а там внизу городок Деницли! Было приятно поплавать в тёплой воде, отдохнуть от снега. Рядом с Памуккале - руины древнего Гиераполиса, бывшего курорта греческих и римских императоров, основанного примерно 200 лет до новой эры. Очень интересны гробницы, статуи, балюстрады, римские бани, арки, древняя христианская церковь и остатки домов. В 87-м году н.э. тут был распят апостол Филипп. Воздух здесь и вода чудесные!

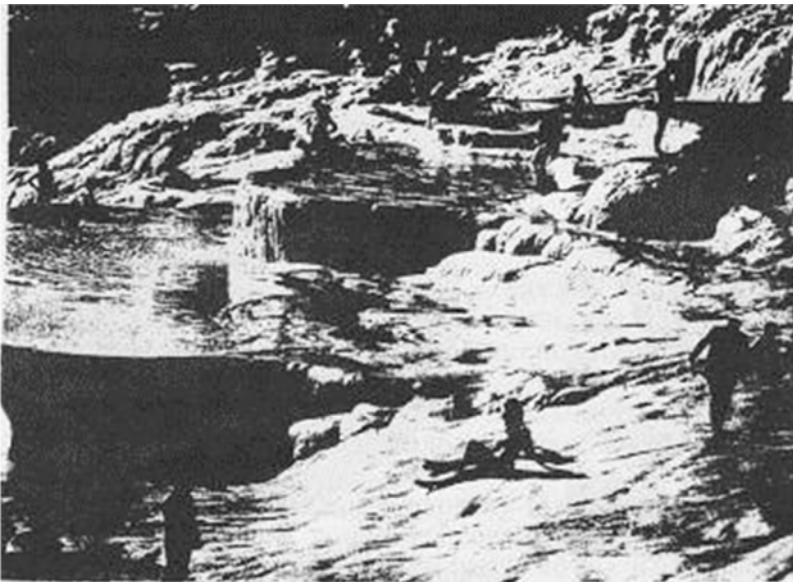


Арабское письмо из Корана. ^



Фаянсовая лампа из мечети. >

Пока мы гуляли, при нас пастух нашёл древнюю монету. Вид был с этой возвышенности захватывающий, в особенности на закате - везде кипарисы, мирты, смоковницы и туи. Настоящая Аркадия! На следующий день мы переехали через реку Менандр, где имела место битва между персами под предводительством царя Дария и греками.



Минеральные источники в Памуккале.



Рельеф на гробнице в Гиераполисе.

Продолжалась приятная панорама. Всюду росли фиги, оливковые деревья, абрикосовые и апельсиновые рощи, тополя. Простирались пастбища, где паслись овцы с забавными длинными хвостами. К обеду мы приехали в Эфес. Здесь - самое большое число хорошо сохранившихся руин древности.

Эфес был основан греками-ионийцами в 11-м столетии до новой эры. Город был пересечением древних путей и везде видно смешение стилей: от древне-греческого, египетского, римского и ранне-христианского, византийского, до турецкого. Тут когда-то находилось одно из семи чудес древнего мира - колоссальный храм в честь Артемиды, богини плодородия. Её статуя с 40 грудями сейчас находится в музее городка Селчук, рядом с Эфесом. В Эфесе осталось очень много замечательных построек, например: огромный амфитеатр на 30,000 человек, вделанный в гору Пион. Когда я залезла на самое высокое сиденье, то закружилась голова. Внизу, у подножия амфитеатра, были расположены по Пути Цезаря Аркадия: гимназия, далее - место собраний, городская спортивная гимназия с банями, а напротив были - агора (рынок), храм египетскому богу Серапису и богине Изиде. Эта главная улица города упиралась в набережную.

Древняя гавань теперь в 30-ти км. от моря, т.к. ил реки давно её затянул и поэтому Эфес потерял своё значение. Всюду красуются фонтаны, виллы, колонны, арки, дома, храмы. В некоторых жилищах ещё сохранились акварельные фрески и керамиковый кафель на стенах. Всей группой мы собрались в очаровательном, маленьком, интимном одеоне. Некоторые из нас, в том числе и я, читали по памяти стихи, где их читали древние поэты. Акустика в нём поразительная! По преданию местных христиан - здесь жила последние годы и была похоронена Богоматерь. Привёз её сюда апостол Иоанн (кому она была поручена) после распятия Христа в Иерусалиме. Сюда приезжал апостол Павел, где жил 3 года и где попал в темницу за свои проповеди против культа Артемиды. Самая первая в мире церковь во имя Богородицы была построена в Эфесе после её смерти апостолом Иоанном. Её дом под названием „Мериам-ана сохранился и стоит недалеко от Эфеса. Пока Богоматерь жила тут, она нашла себе новый „слезный путь“, только не на Голгофу, а на гору Коресс. Путь этот совершался ею в слезах каждый день (помятая распятие Христа), до пещеры на самой вершине горы. В Селчуке находится базилика во имя апостола Иоанна с его гробницей. Ещё ничего не зная обо всём этом, вся наша группа как-то притихла. Было тепло, солнечно и спокойно. Эта благодать и глубокий покой проникали вам в душу, и, только узнав от нашего гида о всех подробностях, я поняла святость этого места.

По пути к Измирю на пригорке мы видели средневековую крепость Крестоносцев. Измир - красивый порт, живописно расположенный на побережье Эгейского М(ога). В древности это была Смирна - один из городов греческой Ионии. Здесь примерно в 700-м году до новой эры родился сам Гомер, как и в других городах Ионии, правители города часто сменяли друг друга. Греки несколько раз отвоёвывали себе Смирну обратно, в последний раз в 1922-м году. В том году произошло безобразное побоище греков турками. Стараясь избежать преследователей, греки - мужчины, женщины и дети, бросились к пароходам в бухте. Было столько жертв, что вода в гавани окрасилась кровью. Также ужасна была и судьба армянских христиан, когда они восставали против турков, требуя самостоятельности. Их обширные, богатые колонии в разных городах систематически вырезались с 90-х годов прошлого столетия, что и продолжается до наших дней.

Теперь мы двигались на север. По дороге заехали в древний Пергамон, город основанный греками в честь бога Асклепия, покровителя медицины. Археологи тут ещё не успели ничего привести в порядок, т.к. руины громоздились в беспорядке. Сохранились только фундамент и некоторые колонны от храма Асклепию, от гимназии, бани и лечебницы, где на ноги поднимали даже полуживых гладиаторов.



Римский аквадук около Пергамона.

Поэтому, наверно, в благодарность Богу и докторам, сохранились скульптуры разных гладиаторов. Когда-то здесь существовала колоссальная библиотека в 20,000 томов, соперничавшая с Александрийской. Захватив Пергамон, влюблённый Марк Антоний подарил её Клеопатре, отчего чудная библиотека в Александрии стала славиться ещё больше на весь мир. Сохранились остатки театра, где ставились постановки морских баталий. С берега был виден остров Лесбос, где жила и писала поэтесса Сафо.

Дальше мы ехали мимо горы Иды. На ней Парис присудил Афродите - самой прекрасной из богинь - золотое яблоко и тем самым положил начало троянской войны.

Римский аквадук около Пергамона. Наконец мы достигли баснословной Трои (сей-час Трува), но тут нас ждало очень горькое разочарование. От легендарной Трои остались только грязные обломки и остатки стен, семь слоёв вниз, т.к. времена „Илиады“ происходили в 13-м веке до н.э.! Всё хорошее было или увезено по музеям, или разграблено. А самое главное было то, что после Эфеса ничто уже не могло с ним сравниться! На утро наш автобус выехал на катере из Чанаккале через Дарданеллы в Галлиполи.



Эфес: 1. Великий амфитеатр, 2. Римская монета Дианы-Артемиды, 3. Агора, ступени, библиотека, 4. Статуя Артемиды эфесской, 5. Рельеф ангела на гробнице.

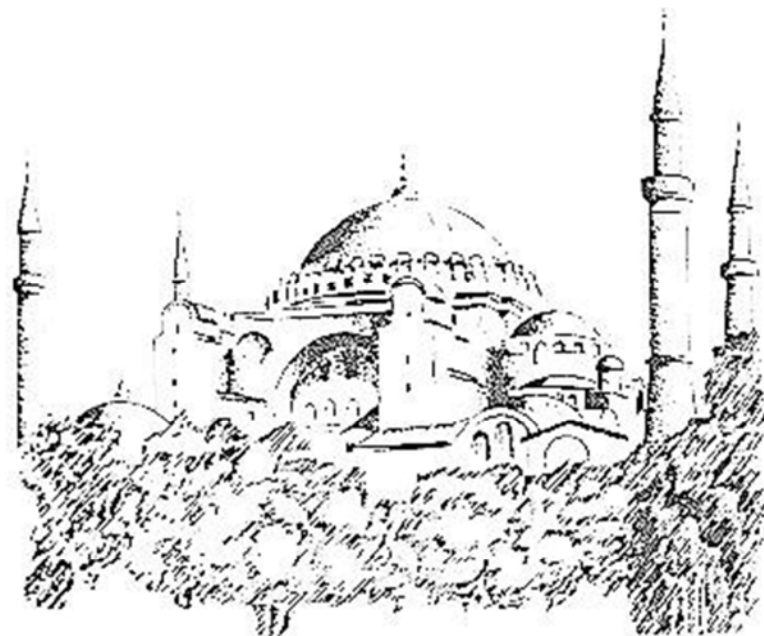
Мы съездили в Лоуи Пайн на кладбище австралийских солдат, погибших там. Затем мы отправились в Стамбул. Нас поселили в отеле Яшмак в районе Сиркачи. Это старый район у слияния Золотого Рога, Босфора и Мраморного моря, с потрясающим видом. Рядом, на возгорье расположены Айя София, Голубая Мечеть, Палац Топкапи и Крытый Рынок. И хотя вокруг нас были грязь, верфи и даже грузчики, которые раз дрались на ножах, но они нас не трогали, а место было удобно расположено. Вокруг нашего отеля стояли пекарни, в которых можно было дёшево купить всякие пиццы, пироги с картошкой, кебабы и др. Тут же были кондитерские, торгующие бак лавой, кюфти, „лукуми" и вкусными шоколадными изделиями. Сейчас Стамбул - самый большой город и порт. В 1922 -м году он потерял статус столицы, когда Кемал Ататурк перенёс её в Анкару. В древние времена это была Византия ионийских греков, которая стала блестящим Константинополем или „Новым Римом", - столицей Восточной Римской Империи при Константине Великом в 330-м году. Столица была переименована турками в 1453-м году, когда они захватили власть. Археологические раскопки в городе сейчас систематически продолжаются



Ионийская колонна.

и приводят в отчаяние местных строителей. На завтра мы пошли осмотреть храм Св. Софии, Премудрости Божией, в 548-м году воздвигнутый императором Византии, Юстинианом. Нас ждало ещё одно разочарование - от прежней роскоши мало чего осталось. Как и у икон в Долине Ветров глаза у ликов выцарапаны, золотая мозаика – попорчена, лежат турецкие ковры, везде висят их бронзовые светильники, на стенах - арабская роспись из Корана и плакаты, т.к. при турках Св. София использовалась как мечеть. Минареты тоже были пристроены ими позже.

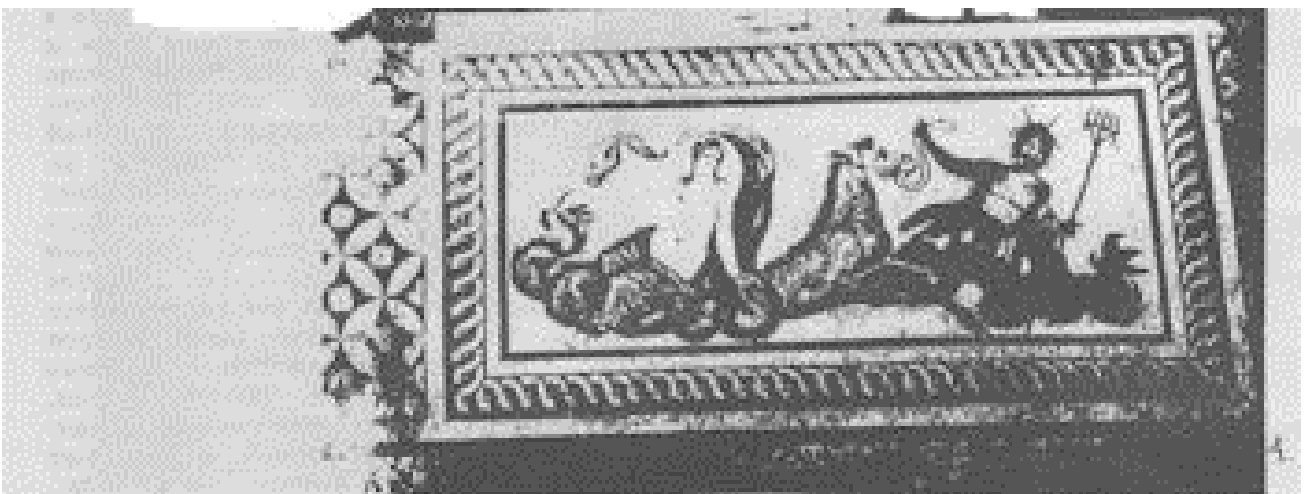
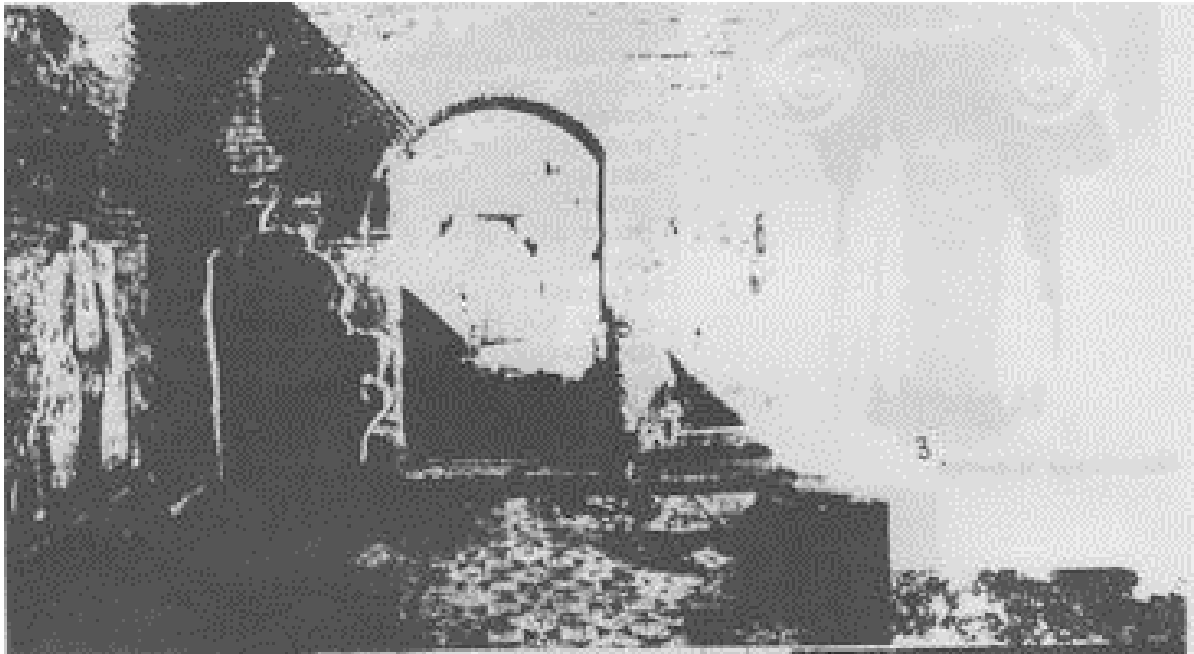
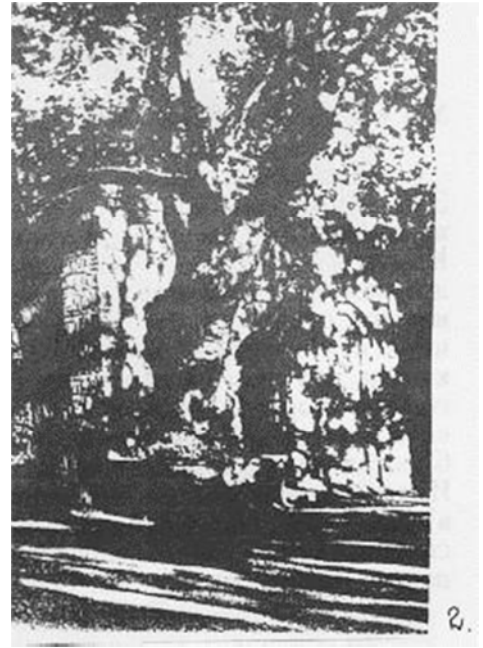
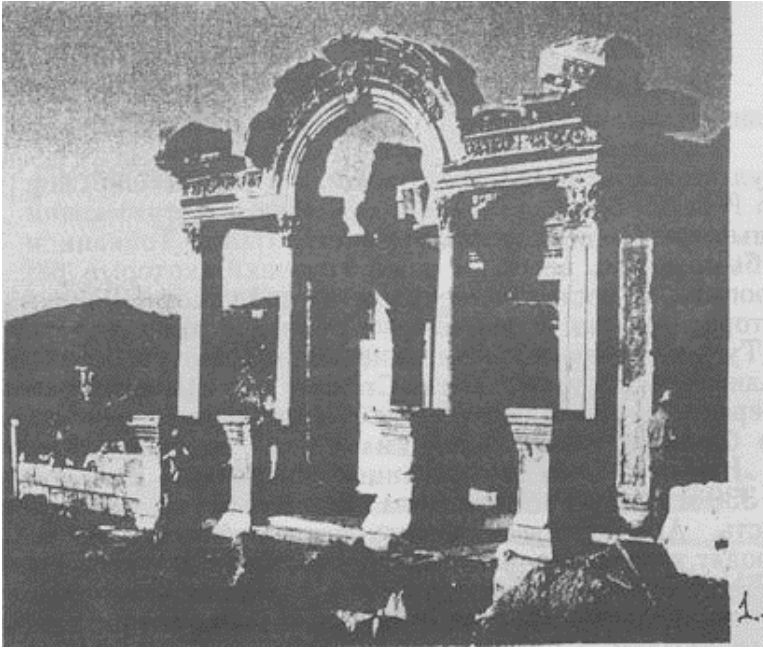
Были мы также в Голубой Мечети, построенной на месте дворца византийского императора Султаном Ахметом в 1616-м году, который хотел затмить славу Св. Софии. Название же Голубой Мечети происходит от чудного голубого кафеля с мозаикой, покрывающего её внутренние стены. Купола внутри украшены



Вид на Святую Софию.

грациозными арабесками, окна же - разноцветными стёклами в виде стилизованных цветов. Очень красивы типично турецкие причудливые изразцы на мраморе у кафедры и главных входов. Чудо же грации и архитектуры и остаётся за „Айей Софией". Стамбул давно славится кожаными изделиями, и недаром! Я купила себе на заказ пальто и брюки из мягкой чёрной кожи за 80 американских долларов! Готово всё было через день. Ещё очень интересен оказался огромный крытый базар. Он тянулся на протяжении нескольких больших кварталов. Там я не устояла перед замечательным рыжим замшевым жакетом. Как же он и другие кожаные вещи мне

пригодились потом в холодной Вене! Вечером мы всей группой ездили в диско «Гидромель» в районе Таксим, центральном коммерческом районе банков, учреждений и шикарных отелей, как Хилтон. Тем же днём я туда уже ездила на такси в Болгарское посольство за визой и у меня был интересный разговор с шофёром. Он рассказывал, как он ездил в свою деревню, где он родился и где не был с молодости. Встретил он там друга своего детства, который в ответ на его



Эфес. 1- Храм Адриана. 2- Мериам-ана, дом Богоматери. 3- Дом с фресками и кафелем. 4- Мозаика.

вопрос, имеет ли он детей, ответил гордо, что у него 4 сына и совсем умолчал о дочерях. У моего же шофёра - только 3 дочери, а сыновей нет, и когда он это сказал, его друг заметил, что, конечно, у него тоже 2 дочери, но о них не принято говорить, когда спрашивают о детях! „Вот вы восхищались, какая современная у нас страна," - сказал он, - „а люди у нас девочек за детей не считают!"

Палац Топкапи - дворец турецких султанов, теперь богатый музей, где хранятся их вещи: шикарная одежда и обувь, старинные ятаганы, сабли, щиты, кинжалы и пищали с изумительной драгоценной инкрустацией. Там также - манекен Сулеймана Великолепного в полном одеянии, дворцовая утварь, превосходный фаянс, но самое потрясающее это - царские драгоценности. Глазам не верилось, что рубины могут быть с куриное яйцо, а изумруды и алмазы - с гусиное. Закрадывалась мысль - не стекло ли всё это?

Из Стамбула мы направились в Болгарию, но визу я доставала напрасно. На границе наш автобус и мы все подверглись собачьему обнюхиванию, - пограничники искали гашиш! Потом они вдруг объявили нам, что т.к. мы из Турции, где свирепствовала инфекция скота и они опасались, что мы можем её завезти, то нам воспрещалось останавливаться в Болгарии, а



давалось 15 часов на то, чтобы проехать в Югославию! Обмыв автобус и обрызгав его, они отпустили нас. Поздно вечером мы доехали до первого города Ниш... Югославию я помню серой, скучной, грязной и дождливой. Подъезжая к Белграду я помню очень непривлекательные серые железобетонные коробки общежитий, одна монотоннее другой. Везде валялась грязь, оставшаяся после постройки, а люди уже давно тут поселились! На кучах мокрой земли и кирпича в мусоре копались куры. Только сам центр, благодаря собору, оперному театру и монументам, построенным ещё в царское время имел кое-какой шарм.

Из Белграда мыразлетелись по разным местам, - я вылетела в Вену... В Вене меня встретила моя бывшая Сузуки, Сильвия Вэйд. Мы вместе с ней занимались в Академии. Там мне дали учительницу-гречанку, которая вскоре оставила меня без голоса. К счастью, другая знакомая студентка рекомендовала меня своему учителю, тоже из Академии, профессору Александру Коло. И вот, не зная, что у меня за голос, или есть ли у меня какой-либо талант, он возился со мной, как нянька, пока голос не восстановился. У меня как раз были с ним уроки после одной хорошей японской ученицы, по вторникам. С профессором она проходила хорошо мне знакомую партию Чио Чио Сан. Вскоре она стала первой японской Мадам Баттерфляй.

В Венской Академии я работала с прекрасным концертмейстером, Вальтером Моор, который заново начал разучивать со мной „Травиату", которую я уже знала почти наизусть. Вальтер придирался к каждой ноточке, к каждому итальянскому слогу, до того, что мне эта опера опротивела. Я помню, как мы сидели над одной страницей речитатива 3 урока, т.е. - 3 часа! Зато он научил меня, как подобает заниматься, как следует интерпретировать нотную партитуру, и как нужно петь по-итальянски без акцента... Лекции и уроки шли все на немецком, и никаких вспомогательных листовок не выдавалось. Хотя я знала немецкий, т.к. учила его в университете, но бывало трудно. Сейчас в Академии привыкли к иностранным студентам-посетителям, и некоторые лекции даются на английском, делаются переводы, но тогда ничего этого не существовало.

Меня пригласили участвовать в академическом певческом ансамбле от 8-ми до 12-ти человек. Одна из наших обязанностей была - дать возможность молодым дирижёрам и дипломным студентам управлять хором. Бывало мы пели иногда а-капелла, бывало - с пианистом, а бывало - и с оркестром. Я также была приглашена вступить в хор имени Шонберга, которым управлял Гунтер Тойринг. Он убедился, что у меня хороший слух, и что я прекрасно читаю ноты, даже такие невозможные, как ноты Шонберга. С группой Тойринга мы давали концерты в Вене, Праге, Будапеште, Турине. Нам, бедным студентам, платили даже за репетиции. Это была не только финансовая поддержка, но и уважение к молодым музыкантам. Шонберга же я никогда не любила, и сейчас не люблю.

Мне также удавалось подработать пением в церкви. По воскресеньям я, как заяц, бегала по трём церквям, из одной в другую, чтобы успеть на все службы.

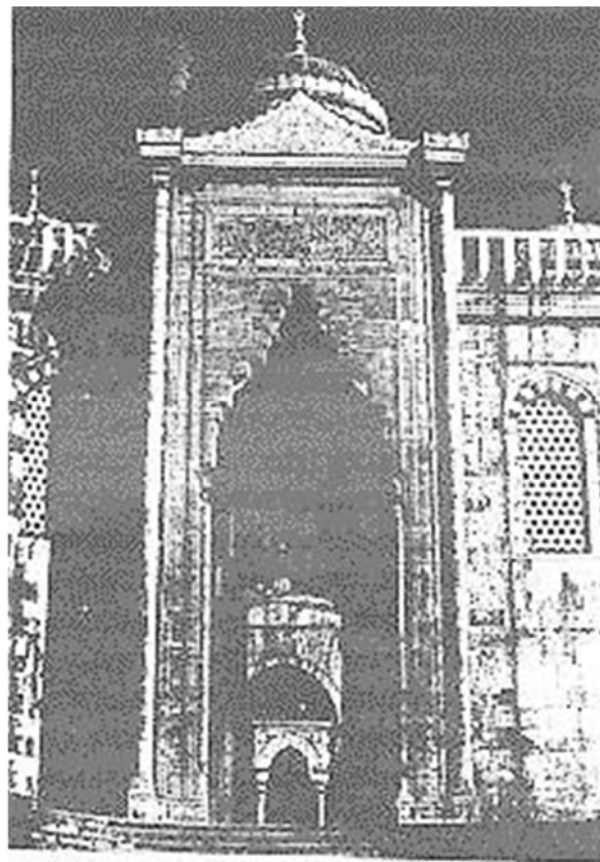
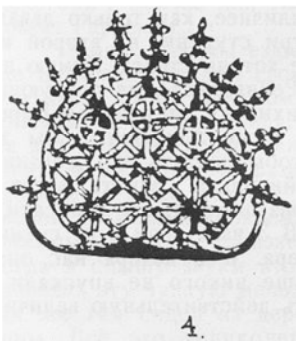
Первой была литургия в "советском" соборе на Ярл Гассе (3-й район) в 8 часов утра. В хоре стояло по 1-2 человека в партии. Пели - эмигранты, а церковнослужители были из СССР. Этот красивый белокаменный собор был заложен в год коронации императора Николая 2-го, (1896). Потом я бежала к 10-ти в 1-й район к Гнатышину, в украинскую церковь Св. Варвары. Как у всех католиков, месса там была сокращена до часу, и затем я неслась в "американскую" церковь на Доротеер Гассе к 11.30-ти. Церковь эта по-настоящему принадлежала австрийцам, но эмигранты, говорящие по-английски, арендовали её. Т.к. большинство их было из США, то мы прозвали церковь эту американской. Пастор же в ней был, как ни странно, из Шотландии. Благо, что все эти церкви были минут в 15-ти быстрой ходьбы друг от друга, и я успевала во время прийти.

Я со многими там подружилась. Мы бывали после американской церкви в ресторанчиках, на концертах, в кино... Американский консул, гн. Уайт со своей гостеприимной супругой, видно, понимали, как трудно и скучно бывало нам, студентам в этом красивом, чужом городе. Они всячески старались подбодрить нас, скрасить наше существование. В их доме устраивались обеды, парти, которые часто переходили в концерты экспромтом....

Помню красивейшее предместье Вены, Лаксенбург, с огромным парком (ранее королевским заповедником), с дворцом, в котором шли фестивали фильмов, делались выставки; с озером, в середине которого на островке стоял Замок Франценбург. Это был уютный старинный замок 14-го века, построенный ещё Герцогом Альбрехтом 3-м и реставрированный в конце 18-го столетия Герцогом Францем Лоррэнским, мужем императрицы Марии Терезы (впоследствии - императором, Францем 1-м). Строителем был Михаил Кнаб, построивший главный собор в сене. В зале разноцветные стёкла в окнах служили как бы натуральной картинной галереей его семьи и предков. В замке были и башни, и тюремное подземелье, и рыцарские доспехи, и много другого, что обыкновенно находится в замках.

Перед замком, на берегу озера, расположилась кофейня. Сидишь, пьёшь кофе, а мимо не спеша плывут белоснежные лебеди. Идиллия! Через озеро можно было переправиться на миниатюрном, просто игрушечном пароме, или нанять лодку. Мы любили там бывать. В сравнении с другими достопримечательными местами Вены, как например, городской парк, где в беседке перед статуей Штрауса играет оркестр его вальсы, и туристы кишмя-кишат, тут было сравнительно спокойнее...

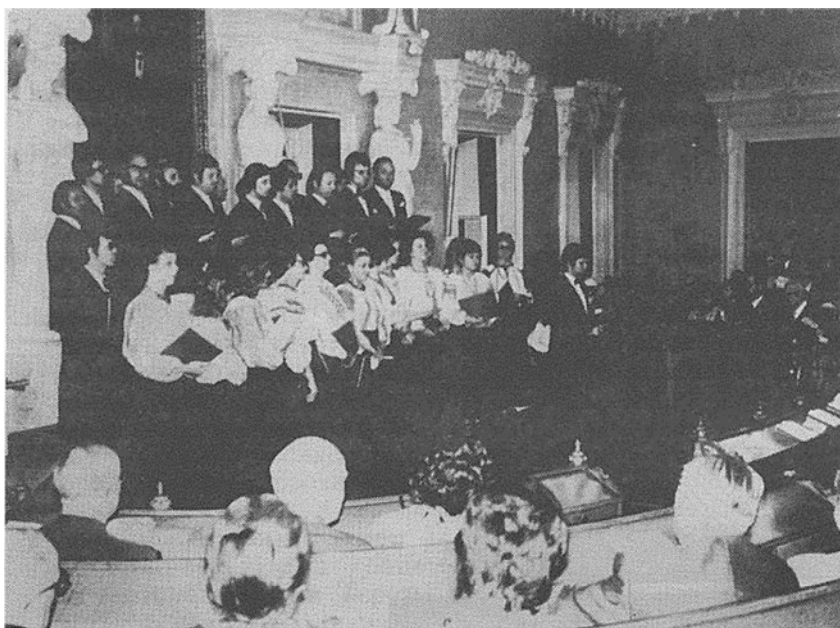
Австрийцы с большой любовью и уважением относятся к памяти Марии Терезии, как они её называют. Во всяком случае, её царствование (1717 - 1780) было одним из выдающихся в истории Австрии. Она напомнила мне фигуры Екатерины Великой и королевы Виктории. Её муж, Герцог Франц, несмотря на то, что он считался равноправным с ней, фактически не имел бразды правления государством. Они были крепко в её руках. Мария Тереза была первой и единственной императрицей, как в Австрии, так и в Свято-Римской Империи. Отец её, Карл VI, не имея мужского наследника, переменял право наследия в Европе, чтобы сделать возможным для женщины унаследовать престол и удержать трон за Габсбургами, которые правили Австрией с 1273-го года. И хотя Франция, Испания и Пруссия атаковали Австрию после его смерти в надежде поживиться, Мария Тереза сразу показала свою мудрость и смелость. С помощью верных ей венгров она отбила нападение, потеряв только Силезию прусскому королю Фридриху Великому.



Стамбул. 1 – План старого города. 2 – Турчанка-торговка. 3 – Танцовщица в кабаре. 4 – Символ солнца, предмет поклонения древних жителей. 5 – Главный вход в Голубую мечеть. 6 – Сулейман.

У Марии Терезы было 16 детей, в том числе - наследник, будущий Иосиф 2-ой, Леопольд 2-ой и младшая в семье - любимица Мария Антуанетта, будущая королева Франции. Её многочисленные дети, посредством родства с другими престолами, не только помогли Марии Терезе удержать своё влияние в Европе, но и значительно увеличить его.

Её внучка, Мария Луиза (1791 - 1847) стала второй женой Наполеона Бонапарта и, родив наследника, будущего Наполеона 2-го, приобрела итальянские графства Пармы, Пьяченцы и др. Загородный летний дворец Шёнбрунн был построен Марией Терезой для спокойного семейного пребывания на природе, вдали от суеты двора. Дворец этот - более светлый, лёгкий, полный воздуха, с большими окнами, выходящими на огромный парк сзади, как бы заканчивался в отдалении на холме, где был построен павильон в древне-греческом стиле. В углу парка был устроен зверинец - один из первых современных зоопарков в Европе. Помню в парках чудесную нежную травку, просто всю усыпанную очаровательными белыми малюсенькими ромашками, и как я боялась ступить на неё. Я вдруг поняла всё очарование европейской природы...



Украинский хор в Вене. В.Троицкая солирует первая слева.

начинают продаваться букеты первых ароматных ландышей, затем появляются грозди пахучей сирени. Перед Пасхой на вербочках развешиваются разнокрашенные яички, везде разносится звон колоколов, вокруг чудесные фонтаны, наманекюренные сады, пруды вокруг Бельведера, дворца знаменитого полководца Евгения Савойского! Что за великолепие! А ведь перед гением Евгения Савойского преклонялся А.В. Суворов, который сам славой затмил своего кумира и запечатлел навеки своё имя рядом с Ганнибалом на страницах истории человечества!

Почти каждый свободный вечер я посещала оперу, и конечно, билеты для нас, бедных студентов, были стоячие. Чтобы занять место поприличнее, как только давался звонок для впуска, мы неслись вперегонки, прыгая через три ступени, на второй или третий этаж, и завязывали шарф или платок на барьере, где хотели стоять. Помню шёл цикл Вагнера, „Кольцо Нибелунга“ и после первой оперы „Рейнгольда“, на следующую ночь ставилась „Валькюра“. В ней должна была петь Брюнхильду знаменитая Биргит Нилссон, шведское сопрано, - что было целым событием даже для Вены. Мы же, студенты, просто умирали от желания услышать её! Но чтобы достать это желанное, стоячее место, нам пришлось сразу, после окончания „Рейнгольда“, занять место на ступенях оперы. Когда вся публика разошлась, примерно через полчаса, нас записали на очередь. Подруга моя осталась сторожить, а я ушла спать. В 3 часа ночи я её сменила до 7-ми утра, когда делали ещё раз переключку до вечера. В 5 вечера нас опять проверяли по списку, после чего закрыли ограду, и больше никого не впускали до начала представления. Зато нам довелось увидеть и услышать действительную величину, богиню.

Биргит Нилссон была среднего роста, крупная дама, с копной рыжих волос до колен. Когда она появилась на сцене, в шлеме с рогами, и с трезубцем в руке, и с горы Валхаллы начала свой клич, - впечатление было потрясающее. Затем она ринулась вниз, но, видно, зацепилась подолом обо что-то, и не могла сдвинуться. Она снова рванулась вперёд, и снова - безуспешно. Тогда она, форменным образом, зарычала, схватила край своей юбки и, рванув его как следует, двинулась на противника, потрясая копьём. Это было до того в характере её персонажа, что публика разразилась диким „Браво!“ и бешеными аплодисментами. Она пела прекрасно, спо-

койно, и чем дальше, тем лучше, чем выше, тем свободнее звучал её голос. Опера эта тяжелая, и к концу, даже певец, который пел партию бога Вотана (огромный бас), стал хрипеть, но Нилссон продолжала звенеть!

Ещё помню одну феноменальную постановку. Шёл „Севильский Цирюльник“. Кроме других хороших артистов в главных ролях, роль Доктора Базилио играл прекрасный бас, болгарин Николай Гяуров. Человек он больших размеров: высокий, костистый, но когда он появился из-за двери (у него был вход из боковой двери внизу, перед сценой), то можно было умереть со смеху от его вида. На нём, как на аббате, была ряска, которая была явно для него мала и из-под неё торчали рукава, штанины, и верх красных кальсон! Несоразмерно большая шляпа покрывала его голову. Он шёл озираясь, с волосами торчащими клочьями из-под шляпы. Но его голос! - большой и звучный, как всегда вызвал бурю в зале. Гяуров только ещё показался, а уже понеслись крики „Браво“, посыпались цветы к его ногам, в красных кальсонах...

Помню одну выдающуюся постановку „Турандот“. На сцене за тронном задники были отодвинуты до того, что процессия слуг, придворных, и челяди, продвигавшихся на авансцену, казалась просто нескончаемой. А когда оркестр, усиленный до 120 человек заиграл, да глаза у черепов на частокколах загорелись красным огнём, и грянул хор в 80 человек, „Слава, слава Турандот“, то казалось, что сейчас взлетит и потолок, и все мы с ним! Но бывали и другие моменты. Как-то шла постановка „Трубадура“. Роль Графа ди Луна пел молодой баритон из Венгрии. Будапешт - провинция по сравнению с Веной, которая считается наравне с Римом, Нью Йорком, и Парижем. Он явно нервничал. Всем известно, что нет злее критиков, чем молодые музыканты. Так произошло и на этот раз. Сначала с галёрки послышался говор, потом вроде - разговор, а потом - громкое позёвыванье, отдельные едкие реплики. От этого у бедного певца голос стал бесконтрольно вибрировать и задрожали колени. Тем временем шум всё возрастал. Послышались смешки, презрительные выкрики, и посыпались помидоры, яблоки и самолётики из програмок на сцену! Занавес закрылся до конца арии...

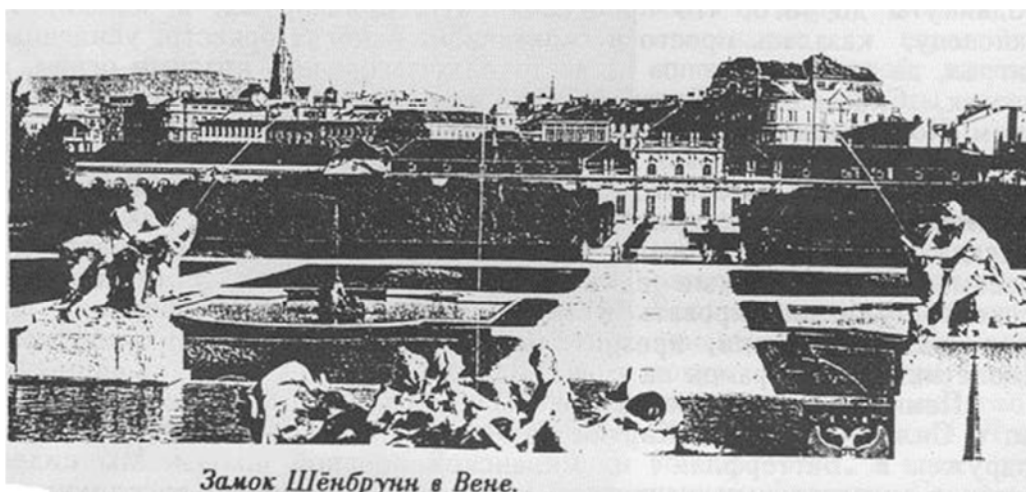
Помню, рядом со зданием оперы - Кафе Моцарт. В Вену, как раз приехали повидать нас с Сильвией Ричард Кэртин из Австралии, и Ивонн Кенни (которая пела одну из подружек в „Баттерфляй“) из миланской оперной школы. Мы сидели, пили кофе из чашек с музыкальным кантиком, как вдруг я невольно воскликнула. Присмотревшись ближе, я увидела, что это не просто музыкальный рисунок, а по-настоящему - строчка из оперы Моцарта! Строчка, фактически, из арии турка-евнуха Осьмина из „Похищения из Сералея“. Она идёт: „Ре-ля-ля-ля-ля-ля-Ля-Фа#“... Удивительно! В нижнем этаже Кафе Моцарт был чудесный марионеточный театр, где шли прекрасные постановки и даже оперы. Ставились вещи, в которых не было много персонажей. За ширмой стояли певцы-солисты из оперы, и пели роли. Мы вместе ходили на премьеру „Основание Города Махогони“. Сейчас же, Ивонн Кенни делит своё время между австралийской оперой и Ковент Гарденом...

Помню, как мы ездили в курортное местечко Баден-бай-Виин в предместьях Вены, где Бетховен сочинил свою шестую симфонию и где я, гуляя с друзьями, её напевала. Это место было курортом ещё в римские времена, когда их когорты пришли основать колонию на берегу Дуная, где теперь Вена. Здесь текут тёплые минеральные источники. На них римляне построили свои бани (термы) и санатории, от которых всё ещё остались стены и живописные развалины. Позднее тут были построены павильоны, рестораны, беседки и даже казино. Бетховен проживал тут каждое лето на даче. Окружённый лесной свежестью, покоем и птицами, он написал здесь большинство своих симфоний и несколько других произведений, как увертюры „Леонора“ и „Кореолан“. Каждый раз, когда я слышу звуки второй части его Пасторальной симфонии, я вспоминаю, как я напевала эту чудную мелодию в этом самом лесу, где он её сочинил. Как и в его время, так же там сидел на дереве дятел и деловито стучал по стволу, также пели птичьи хоры. Всё это великолепие и даже звук охотничьего горна Бетховен навсегда увековечил в своей чудной симфонии.

В центре Вены, где расположены собор Св. Стефана (Штеффель), оперный театр, ратуша, дворец, главные музеи и самые фешенебельные магазины, находится Первый Район. Он самый старый. Фактически это старый город, древняя Вена. Её когда-то окружали городские стены, на

месте которых сейчас ходит трамвай. Называется это „Кольцом“. За бывшими же стенами, окружавшими пригороды в старое время, теперь расположен „Пояс“, по которому проходит железная дорога.

В этом районе, недалеко от украинской церкви Св. Варвары, по Греческой улицe расположен Греческий Квартал. В давнее время здесь были склады, лавки и дом: греческих купцов. Тут стоит их красивая церковь. Ещё 200 лет назад церковь эта был; потайной, катакомбной, т.к. в католической Австрии другие религии строп преследовались. Поэтому церковь эта скрывалась в большом шикарном доме богатой греческого купца. Она занимала зал, обрамлённый балконом по трём сторонам, где i обыкновенных зажиточных домах устраивались балы и концерты. Почти до 20-го века когда наконец было разрешено любое вероисповедание, эта церковь существовала ка> выносная. Т. е. когда было нужно, то все иконы снимались и вся церковная утвар! уносилась и пряталась в подполье. Из-за этого в церкви не было настоящего иконостас до конца 19-го века.



В этом же Греческом Квартале существует и самый старинный в Вене постоянный двор. Он был основан в 16-ом веке и вначале состоял из конюшни, погребка-харчевни i двух жилых комнат. Со временем он буквально, как капуста оброс пристройками с боле благоустроенными помещениями, но главная комната-погребок так и осталась. До си пор в этой комнате глиняный пол и невысокий выбеленный потолок, который можн достать рукой, вытянувшись в рост. Он весь исписан автографами разных знаменитостей Среди них - подписи Бетховена, Моцарта, Штрауса (Иоганна и Рихарда) и многих други артистических и культурных деятелей и даже кинозвёзд. Также в первом районе, неподалеку от Ратуши, в которой мы пели концерты украинским хором, стоит дом-музей, в котором жил Бетховен. На втором этаже - ег скромная квартира стоит так, как она была при его жизни. Висят те же портьеры, н окне - те же занавески. Стоит тот же стол, за которым он писал свои композиции i рояль, на котором он играл их. Этот рояль, как вообще все другие старинные рояли которые мне довелось слышать, имеют совсем иной звук в сравнении с теперешним] инструментами. Раньше звук у рояля был более мягкий, напоминая клавесин или арфу. Когда я притронулась к бетховенскому роялю, у меня было впечатление, что педал была нажата, т.к. звук продолжал звенеть.

Посетила я также и дом Франца Шуберта. Теперь это тоже музей. За углом о него я была в кофейне, где Шуберт любил читать газеты за чашкой кофе. Иногда там на него находило вдохновение и он начинал лихорадочно черкать ноты на полях газет. Около входа в кофейню, в стене до сих пор сохранились уступы или подножия, н которые люди ступали, чтобы сесть в карету - „Кучу" - из этого слово „кучер" (извозчик), которое мы заимствовали из немецкого.

В первое время я снимала комнату в самом центре Вены. Буквально за углом бы Зимний Дворец - „Хофбург". Кажется, с выстрелом в Сараеве и со смертью престарелог Франца Иосифа, последовавшей в 1916-м году, всё здесь остановилось, как в роман Диккенса „Великие Ожидания". Теперь дворец - тоже музей, в котором чувствуется вкус и рука своей прежней хозяйки, Марии Терезы. Дворец построен полукругом и каждая комната, каждый покой отделан

в разном стиле: то в китайском, то во французском, то в стиле рококо. Везде паркет, двойные кремовые двери с золотым кантиком, хрустальные люстры, шёлковые портьеры и газовые занавески воланом. Висят картины семейства Габсбургов и разных красивых видов. В особенности „застыл" рабочий кабинет Франца Иосифа - даже перо так и стоит всё в той же чернильнице!...

Летом в Вене стоит душная жара. Опера, академия и многие другие заведения закрываются на два месяца в июле - августе, и все „нормальные" люди уезжают на каникулы. Мы с подружкой тоже уехали. На этот раз мы поехали в Грецию и в Египет, благо студенческие проезды очень доступны, даже на самолётах. В предыдущие каникулы мы с ней объездили Чехословакию, Венгрию и Южную Германию. В сентябре, вернувшись в Вену, я сдала экзамены в академию, т.к. они были отложены с июня по болезни, и решила повидаться со своими родителями и друзьями, чтобы продолжать занятия после нового года. По дороге в Австралию я заехала посмотреть Италию, и вылетела домой из Рима. Можно многое было бы рассказать о тех чудных, незабвенных местах, где мы побывали, как, например, Помпея, Пирамиды, Абу Симбель и всё то удивительное, что мы видели, но этот рассказ тогда будет нескончаемым...

По возвращении в Австралию, я встретила своего будущего мужа, и о возврате в Вену не могло быть и речи....

Приехав в Сидней я была вскоре приглашена петь на концерте своего бывшего коллеги и товарища по консерватории, Александра Шахматова (31-го мая 1975). Саша тоже собирался за границу, только в Америку, там он жил, работал и учился, давал концерты, записывал пластинки... Одно время он занимался у замечательного русского всемирно известного оперного тенора, Николая Гедды в Париже. Аккомпаниатором у него была жена Гедды, прекрасная пианистка. Потом у меня пошли концерты и в Сиднее, и в Бризбене. Аккомпанировал мне Лев Семёнович Демант (Демантович), профессор класса по аккомпанименту при Сиднейской консерватории. Из-под его рук вышли такие аккомпаниаторы, как Линн Робертсон, Шаролин Кимморлей (обе в А.О.) Профессор Демант родом из Дании, знал около 10-ти языков, и в молодости был знаком с великим композитором Финляндии, Сибелиусом. Я вернулась к преподаванию в школе, где мне вскоре было поручено заниматься с детьми музыкой и хоровым пением. Много лет подряд этот детский хор участвовал в школьных хоровых концертах, соревнованиях, брал призы, выступал по телевидению на местном канале. Также я продолжала выступать на концертах, как на пример с Н. Кокот, посвящаемых разным композиторам.



В 1976-м году концерт был посвящён музыке Глинки. В одном только 1981-м году я пела с ней 4 концерта посвящённых Шопэну, - в Яссе, Вуллунгонге, в Сиднее и в Миттагонге. Надежда Кокот, бывшая Жигалова, в свою молодость работала концертмейстером харбинской оперы при Желсобе в 40-х годах. Обыкновенно опера вначале подготавливается с одним пианистом, и только последние несколько репетиций проводятся уже с оркестром. Жигалова и была таким пианистом. На днях мы с ней читали уже пожелтевшую, программу её концерта в Харбине во время японской оккупации.

Программа гласит:

141-й КОНЦЕРТ
ХАРБИНСКОГО СИМФОНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В КОММЕРЧЕСКОМ СОБРАНИИ

Пианистки Н. ЖИГАЛОВОЙ
при участии сопрано О.Г. Ердяковой

Программа –

Симфония соль минор Калинникова Фортепианный коцерт цис-моль оп. 30, Римского-Корсакова,

Танцы из оперы .Снегурочка* Римского-Корсакова,

Две арии из оперы «Аиды» Верди: «С победой возвратись» (Ritorna vincitor)

«У Нила» (O Patria mia)

Оркестром дирижирует С.Е. Швайковский.

Концертмейстер В.Д. Трахтенберг.

В то время она только что кончила класс рояля в Харбинской Музыкальной Школе у своей преподавательницы В.Л. Гершгориной, - маэстро Миланской Королевской Филармонической Академии! Программы концертов Н. Кокот в Австралии включали соло рояля, камерные произведения и пение. Она также всегда давала краткую биографию композитора. За эти годы я с ней пела произведения таких разных композиторов как: Чайковский и Скотт Джэплин, - в вулунгонгском Таун Холле, и в новом зале Перформинг Артс. На этих концертах я работала с такими музыкантами, как Ричард Тогнетти и Григорий Елмилоглу (скрипка и виолончель из сиднейской симфонии), Дэвид Перейра (Австралийский Камерный Оркестр).

Опера была моей страстью, но моя учительница, Татьяна Александровна Хитрина, с самого начала развивала во мне умение петь романсы, классические произведения, и произведения эпохи барокко. В особенности важными она считала песни Моцарта, и романсы немецкой романтики - Шуберта, Шумана, Брамса, Штрауса... Она говорила, что если я хочу хорошо и выразительно петь, петь умело в опере, а не просто брать голосом, т.е. орать, как говориться МОЛТО БЕЛТО, то я должна заниматься такими вещами!



Хор русской школы в Вуллунгонге. 1983 г.

В результате у меня накопился обширный репертуар, который включает русские, немецкие, французские, испанские романсы и итальянские арии с 15-го века до нашего, а также легкие вещи, народные песни, и номера из оперетт. Я пою на 7-ми языках и говорю на «трёх с половиной»: по-русски, по-английски, по-немецки, и немного по-итальянски и по-французски. Во всяком случае, я смогла изъясняться в Италии, когда в какой-то глуши никто не знал английского. А также, когда мы с семьёй ездили в Нумию, мне пришлось объясняться по-французски на рынке и в городе за неимением говорящих по-английски.

В 1981-м году я принимала участие в Интернациональном Оперном Конкурсе в Иллаварра, где получила премию. Судьёй

был сам Ричард Бонинг, дирижёр австралийской оперы и муж Джоун Саттерлэнд. При выдаче

приза он приглашал меня в оперу, а когда поблагодарив, я ответила, что мне это сейчас трудно из-за раннего возраста детей и распорядка их дня, он с досадой сказал, что, конечно, в опере нужно думать не об их расписании, а об оперном. Конечно, было тяжело снова делать выбор, но...

Буквально тут же, я получила приглашение преподавать в местной консерватории от её директора, г-на. Пауэла. С тех пор там я и работаю. Главным образом, я веду класс пения: ставлю голос, но также преподаю теорию, сольфеджио, историю музыки и работаю над репертуаром. Много лет у меня существовал 3-х - 4-х голосный женский хор, с которым я выступала по радио, в различных концертах и мероприятиях. Ученики сдают экзамены, продвигаются. Некоторые уже сами стали преподавателями: в школах, в консерватории, частным образом. Одна ученица поёт в Германии, другая учится в Англии. Один студент, получив стипендию, уехал в США. Две молодые студентки продвигаются в Сиднее: одна - в школе австралийской оперы, а другая - в сиднейской консерватории. Со своей студией, обыкновенно на отчётниках в конце года, я даю концерты, на которых ученики исполняют соло, дуэты, трио, поёт хор. Часто я ставлю отрывки из опер или опереток, как: -

West Side Story
Sound Of Music
Mikado
Gondoliers
Oliver
Marriage Of Figaro
HMS Pinafore
Cosi Fan Tutte
Hansel And Gretel

«Trial By Jury» ставила полностью, т.к. эта оперетта одноактная и идёт всего 55 минут. Всё зависит от числа и способности студентов...

Помимо этого, сама я выступаю на концертах и в Вуллунгонге, и в Сиднее, для Вуллунгонгского университета с которым мы тесно связаны, для консерватории. В консерватории, я познакомилась с коллегами-соотечественницами: Людмилой Ярошевич (виолончель), и с Раисой Добринской (рояль). С Раисой я сразу же стала работать. Она мне аккомпанировала на концерте консерватории в Вуллунгонгском Таун Холле в 1981-м году, который нас, новых преподавателей, как бы представлял родителям студентов и обществу. Раиса прекрасный музыкант и чуткий аккомпаниатор. В 1982-м году у меня был ангажемент - концерт, на котором она мне аккомпанировала. Этот концерт был частью моего приза, полученного мной в предыдущем году. С тех пор мы с ней перепели и переиграли множество концертов, выступлений, и радиопередач. Раиса закончила с отличием государственную консерваторию имени Римского-Корсакова в Ленинграде по классу рояля. Она не только играет соло, но и в камерных ансамблях, аккомпанирует, и преподаёт. Приехав в Австралию в 1977-м году, она несколько лет преподавала в Вуллунгонгской консерватории, а также и в Сиднейской. Она регулярно выступает с Тогнетти, Елмилоглу, со мной и с другими музыкантами, и эти записи можно услышать по радио.

Я также пою ежегодно на концертах, устраиваемых Комитетом Дня Русской Культуры, ещё с 1977-го года. За эти годы я встретила много интересных, талантливых людей на этих выступлениях. Встречалась с пианистами: Эрикой Малик, М. Агишевой, Т.А. Чинарёвой, Л. Раменской, Л.С. Демант. Помню певцов: А.Тикстон, М.Валевскую, О. Савину, Константина и Юрия Мавридис и, конечно, Вадима Лаптева и Сергея Байгильдина. Из инструменталистов я встречалась с талантливой скрипачкой Валентиной Абаза (квинслендская симфония), виолончелистами: Людмилой Ярошевич-Палмер и А.И. Погодиным, чей инструмент она унаследовала, т.к. на границе СССР её собственный не разрешили взять с собой; с флейтистами: Н.Нигиревич и П. Бурьян. Нельзя и забыть хор Св.-Владимирской Молодёжи под управлением А. Коробко, на концертах которого я выступала несколько раз ещё с 1976-го года.

С хором и оркестром Вуллунгонгского университета в 1984-м году пела „Сотворение Мира" Гайдна, в 1986-м - „Дона Нобис Пачем" Бриттена, в 1989-м - отрывки из „Волшебной Флейты" Моцарта. Для консерватории, кроме своих личных концертов и студенческих выступлений, организовывала общие, консерваторские концерты, как в честь открытия нового зала „Перформинг Артс " в 1988-м году, когда выступали учителя и лучшие студенты.

Этот концерт получился очень стильный. Он разделён был на два отделения. В первом фигурировали произведения периода барокко и классического стиля. Во втором - были произведения испанско-латинской романтики. С оркестром я пела в первом отделении Мотет Моцарта, „Экзультате Юбилате", а во втором - испанские песни романтического периода под аккомпанемент гитары, и удивительную „Бахиану Бразиллейру" Вилла-Лобоса с аккомпанементом оркестра из виолончелей.

В консерватории я познакомилась и работала с многими музыкантами, как-то: органистом сиднейского Таун Холла, Роберт Амptom, флейтисткой, Прю Пейдж (женой знаменитого пианиста, Роджера Вудварда), прекрасной аккомпаниаторшей Ольгой Красник, дочерью одного из пионеров АУЛОС квартета, Дон Харпером, лидером джас-банда...

Пела я и с Вестерн Симфонией под дирижёрством, Брэнсби Бёрн, и на концерте в Сиднейской Опера Хаус, отмечавшем 1000-тилетие крещения Руси в 1988-м году. Пою по радио на станциях: 2МБС ФМ, и 2ЕА.

Сейчас меня интересует композиция, в особенности церковной, хоровой музыки. Редактирую некоторые ноты и пересматриваю переводы романсов на английский язык, в особенности с русского...

В. Троицкая.
Австралия. 1995.



Вера Троицкая с Ричард Бонинг (муж Джоун Саттерлэнд и дирижёр) и другим финалистом после выигрыша в 1981-м году.